

А.Милн / Б.Заходер

Винни·Пух

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно сорок лет тому назад — как сказано в одной старой книге, «на середине жизненной дороги» (мне тогда было как раз сорок лет, а сейчас, как вы легко сосчитаете, вдвое больше), — я встретился с Винни-Пухом.

Винни-Пух тогда ещё не назывался Винни-Пухом. Его звали «Уинни-тзе-Пу». И он не знал ни слова по-русски — ведь он и его друзья всю жизнь прожили в Зачарованном Лесу в Англии. Писатель А.А.Милн, который написал целых две книги об их жизни и приключениях, тоже знал только по-английски.

Я прочитал эти книги и сразу так полюбил Пуха и всех остальных, что мне ужасно захотелось познакомиться с ними и вас, ребята.

Но так как все они (вы догадались?) умели говорить только по-английски, а это очень-очень трудный язык — особенно для тех, кто его не знает, — мне пришлось кое-что сделать.

Пришлось сперва выучить Винни-Пука и его друзей объясняться по-русски, пришлось подарить им — Винни-Пуху и Всем-Всем-Всем — новые имена; пришлось помочь Пуху сочинять Шумелки,

Пыхтелки, Кричалки и даже Вопилки и мало ли что ещё...

Уверяю вас, сделать всё это было не так-то легко, хотя и очень приятно! Но мне уж очень хотелось, чтобы вы, ребята, полюбили Пуха и Всех-Всех-Всех, как родных.

Ну что ж, теперь я могу сказать — без всякого преувеличения! — что мои надежды оправдались. С Винни-Пухом (и Всеми-Всеми-Всеми) за эти годы подружились в нашей стране миллионы и миллионы ребят (да и взрослых, особенно тех, которые поумней). А сам Винни-Пух стал совсем-совсем русским медвежонком, и некоторые даже считают, что он говорит по-русски лучше, чем по-английски. Не мне судить.

Хотите верить, хотите нет — одно время он даже учил наших ребят по радио **РУССКОМУ** языку! Была такая передача. Может быть, ваши старшие о ней помнят.

А уж как мы с Пухом за эти годы сроднились — ни в сказке сказать, ни пером описать!

Дело ещё в том, что Пуха (и Всех-Всех-Всех, понятно!) у нас так полюбили, что им пришлось и сниматься в кино, и выступать на эстраде, и играть на сценах театров — и простых и кукольных — в разных пьесах и даже петь в опере — в Московском музыкальном театре для детей.

И нашему трудолюбивому медвежонку пришлось снова и снова сочинять Шумелки, потому что истории-то были новые, а значит, и песенки требовались новые.

Должен признаться, что тут (как вы, вероятно, и сами догадываетесь) не обошлось без моего участия. Мне пришлось писать для фильмов — сценарии, для театров — пьесы и даже либретто для оперы «Снова Винни-Пух». И уж конечно, все новые Шумелки, Пыхтелки и Вопилки Пух сочинял

под моим руководством. Словом, мы с ним все эти годы не расставались, и, в конце концов, я стал считать медвежонка Пуха своим приёмным сыном, а он меня — своим вторым отцом...

Книги о Винни-Пухе за эти долгие годы издавали много-много раз. Их читали ваши бабушки и дедушки, папы и мамы, старшие братья и сёстры. Но такого издания, какое вы держите в руках, ещё не было.

Во-первых, тут все двадцать подлинных историй (а не восемнадцать, как было раньше).

Во-вторых, Пух с друзьями разместились в целых двух книгах, а не в одной. Теперь им по-настоящему просторно — хватило места и для Многого Другого. Загляните в Приложения — и убедитесь, что здесь не только Все-Все-Все, но и Всё-Всё-Всё!

И наконец, уверен, что вас порадуют рисунки. Особенно тех, кто видел *настоящие* мультфильмы о Пухе — ведь Пуха и его друзей здесь нарисовал тот же замечательный художник — Э.В.Назаров.

(Почему я говорю о *настоящих* мультфильмах? К сожалению, в наше время развелось много подделок. Подделывают и Винни-Пука. По телевидению часто показывают такого Пука, которого иначе как подделкой не назовёшь. Слава Богу, его легко отличить от настоящего: он совсем непохож, а главное, не сочиняет и не поёт никаких Шумелок. Какой же это Винни-Пух?!)

Ну, пожалуй, на этом можно и закончить — я, кажется, сказал Всё-Всё-Всё, что собирался, а то и больше!

Оставляю вас с Винни-Пухом и его друзьями.

Ваш старый товарищ

Борис Заходер

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчёлами

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робинем, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сойти с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы — сосредоточиться-то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если бы вы знали английский, то удивились бы ещё больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебеда это было очень подходящее имя, потому что если ты зовёшь лебеда громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе под нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропадало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Её ли называли Винни в честь Пуха, или Пуха называли в её честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, мишку теперь зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечерком во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчёт сказки? — спросил Кристофер Робин.

- Что насчёт сказки? — спросил папа.
 - Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!
 - Может быть, и мог бы, — сказал папа. — А какую ему хочется и про кого?
 - Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!
 - Понимаю, — сказал папа.
 - Так, пожалуйста, папочка, расскажи!
 - Попробую, — сказал папа.
- И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Винни-Пух жил в лесу один-одинёшенек, под именем Сандерс.

— Что значит «жил под именем»? — немедленно спросил Кристофер Робин.

— Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано «Мистер Сандерс», а он под ней жил.

— Он, наверно, и сам этого не понимал, — сказал Кристофер Робин.

— Зато теперь понял, — проворчал кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: «Это — жжжжжжж — неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он ещё подумал-подумал и сказал про себя:
«А зачем на свете пчёлы? Для того, чтобы де-
лать мёд! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мёд? Для того, чтобы я
его ел! По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и всё лез, и по дороге он пел про
себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

*Мишка очень любит мёд!
Почему? Кто поймёт?
В самом деле, почему
Мёд так нравится ему?*

Вот он влез ещё немножко повыше... и
ещё немножко... и ещё совсем-совсем немножко

повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-
пыхтелка:

*Если б мишки были пчёлами,
То они бы нипочём
Никогда и не подумали
Так высоко строить дом;
И тогда (конечно, если бы
Пчёлы — это были мишки!)
Нам бы, мишкам, было незачем
Лазить на такие вышки!*

По правде говоря, Пух уже порядком устал,
поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но
ему оставалось лезть уже совсем-совсем немножко.
Вот стоит только влезть на эту веточку — и...
ТРРАХ!

— Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых
три метра вниз и чуть не задев носом о толстую
ветку.

— Эх, и зачем я только...— пробормотал он,
пролетев ещё метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего пло...—
попытался он объяснить, стукнувшись о следующую
ветку и перевернувшись вверх тормашками.

— А всё из-за того,— признался он наконец,
когда перекувырнулся ещё три раза, пожелал всего
хорошего самым нижним веткам и плавно призем-
лился в колючий-преколючий терновый куст,— всё
из-за того, что я слишком люблю мёд! Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил
из носа колючки и снова задумался. И самым пер-
вым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне? — переспросил дрожащим от волне-
ния голосом Кристофер Робин, не смея верить такому
счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились всё больше и больше, а щёки всё розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зелёной дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.

— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

— Воздушного шара?

— Да, я как раз шёл и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

— Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шёпотом:

— Мёд.

— Что-о?

— Мёд! — повторил Пух.

— Кто же это ходит за мёдом с воздушными шарами?

— Я хожу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зелёный шарик, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был ещё такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зелёный и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался. Глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он. — Если хочешь достать мёд — главное дело в том, чтобы пчёлы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зелёный, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос — чему они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт? — Он подумал минутку и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая чёрная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решён.

Друзья взяли с собой синий шар. Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил своё ружьё, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом подошёл к одной знакомой луже и как следует вывалялся в грязи, чтобы стать совсем-совсем чёрным, как настоящая тучка.

Потом они стали надувать шар, держа его вдвоём за верёвочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил верёвочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и остановился там — как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.

— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На медведя, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую чёрную тучку разве не похож? — тревожно спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придёт пчёлам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чують мёд, он мог видеть мёд, но достать мёд он, увы, никак не мог.

— Кристофер Робин! — крикнул он шёпотом.

— Чего?

— По-моему, пчёлы что-то *подозревают!*

— Что именно?

— Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя *подозрительно!*

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мёд?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт!

Вновь наступило долгое молчание. И опять слышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперёд, а сам поглядывай всё время на меня и приговаривай: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчёлы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты глупенький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчёлы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или не надо?

— Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть пчелиную царицу. Тебе её оттуда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тучкину Песню — такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождик собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

*Я Тучка, Тучка, Тучка,
А вовсе не медведь.
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!*

*Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют —
Поэтому все Тучки
Так весело поют!*

Но пчёлы, как ни странно, жужжали всё подозрительнее и подозрительнее.

Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тучка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец всё понял. Это неправильные пчёлы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мёд, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз ещё и не подумал. Если он выпустит из лап верёвочку, он упадёт и опять бумкнет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он ещё как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружьё у тебя с собой?

— Понятно, с собой, — сказал Кристофер Робин. — Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, — сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — вскрикнул Винни-Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то, чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста, — сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за верёвочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевелить, и они так

и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдувать её: «Пухх! Пуххх!»

И может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно тогда-то его окончательно назвали Пухом.

— Сказке конец? — спросил Кристофер Робин.

— Конец этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

— А поймали они его?

— Нет.

— Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

— Ну, услышишь — узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то всё помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплёлся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты придёшь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно, — сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки, — сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лестнице: бум-бум-бум.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой Винни-Пух пошёл в гости,
а попал в Безвыходное Положение*

Как-то днём, известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонялся, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, караул, трам-пам-па!

Ну, вот так и сочинилась песенка-ворчалка, и после завтрака Винни всё время повторял её про себя, всё ворчал и ворчал, пока не выучил её всю наизусть. Теперь он знал её всю от начала и до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!

Трам-пам-пам-тарарам-пам-па!

Тири-тири-тири-ри,

Трам-пам-пам-тирirim-ним-ни!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя — а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим, — наш Винни незаметно дошёл до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух. (Трам-пам-пам-тарарам-пам-па!) — Если я что-нибудь в чём-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это подходящая компания, а подходящая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И всё такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух громко-громко.

— Нет! — ответил чей-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз прекрасно тебя понял.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос.

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там всё-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, ещё раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошёл в гости к своему другу Винни-Пуху. Они знаешь какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бывают разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился ещё больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни полез в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думал, кто это?

— Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу, нельзя пускать в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности часов в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед ещё и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достаёт чашки и тарелки. А когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать — мёду или сгущённого молока?» — Пух пришёл в такой восторг, что выпалил: «И того, и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: «А хлеба можно совсем не давать!»

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, мурлыкая что-то сладким-сладким голоском — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну,— замялся Винни-Пух,— я бы мог побыть ещё немного, если бы ты... если бы у тебя...— запинаясь он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря,— сказал Кролик,— я сам собирался пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве ещё что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживляясь.

Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось.

— Я так и думал,— сочувственно сказал Пух, покачав головой.— Ну, до свиданья, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время на воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом плечи... а потом...

А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Ещё потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперёд!

И наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай, спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперёд!

Тем временем Кролик, который, как мы помним, собирался пойти погулять, видя, что парадная дверь забита, выбежал наружу чёрным ходом и, оббежав кругом, подошёл к Пуху.

— Ты что — застрял? — спросил он.

— Не-ет, я просто отдыхаю, — ответил Пух, стараясь говорить весёлым голосом. — Просто отдыхаю, думаю кой о чём и пою песенку...

— Ну-ка, дай мне лапу, — строго сказал Кролик.

Винни-Пух протянул ему лапу, и Кролик стал его тащить.

Он тащил и тащил, он тянул и тянул, пока Винни не закричал:

— Ой-ой-ой! Больно!

— Теперь всё ясно, — сказал Кролик, — ты застрял.

— Всё из-за того, — сердито сказал Пух, — что выход слишком узкий!

— Нет, всё из-за того, что кто-то пожадничал! — строго сказал Кролик. — За столом мне всё время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твёрдо знал, что этот «кто-то» не я! Делать нечего, придётся сбегать за Кристофером Робин.

Кристофер Робин, друг Винни-Пуха и Кролика, жил, как вы помните, совсем в другом конце Леса. Но он сразу же прибежал на помощь и, когда увидел переднюю половину Винни-Пуха, сказал:

«Ах ты глупенький мой мишка!!» — таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.

— А я как раз начал думать, — сказал Винни, слегка хлопая носом, — что вдруг бедному Кролику уже никогда-никогда не придётся ходить через парадную дверь... Я бы тогда очень-очень огорчился...

— Я тоже, — сказал Кролик.

— Не придётся ходить через парадную дверь? — переспросил Кристофер Робин. — Почему? Пожалуй, придётся...

— Ну вот и хорошо, — сказал Кролик.

— Пожалуй, придётся втолкнуть тебя в нору, если мы не сможем тебя вытащить, — закончил Кристофер Робин.

Тут Кролик задумчиво почесал за ухом и сказал,

что ведь если Винни-Пуха втолкнуть в нору, то он там останется навсегда. И что хотя он, Кролик, всегда безумно рад видеть Винни-Пуха, но всё-таки, что ни говори, одним полагается жить на земле, а другим под землёй, и...

— По-твоему, я теперь никогда-никогда не выйду на волю? — спросил Винни-Пух жалобно.

— По-моему, если ты уже наполовину вылез, жаль останавливаться на полпути, — сказал Кролик.

Кристофер Робин кивнул головой.

— Выход один, — сказал он, — нужно подождать, пока ты опять похудеешь.

— А долго мне нужно худеть? — испуганно спросил Пух.

— Да так, с недельку.

— Ой, да не могу же я торчать тут целую неделю!

— Торчать-то как раз ты отлично можешь, глупенький мой мишка. Вот вытащить тебя отсюда — это дело похитрее!

— Не горюй, мы будем читать тебе вслух! — весело воскликнул Кролик. — Только бы снег не пошёл... Да, вот ещё что, — добавил он, — ты, дружок, занял у меня почти всю комнату... Можно, я буду вешать полотенца на твои задние ноги? А то они торчат там совершенно зря, а из них выйдет чудесная вешалка для полотенец!

— Ой-ой-ой, целую неделю! — грустно сказал Пух. — А как же обедать?!

— Обедать, мой дорогой, не придётся! — сказал Кристофер Робин. — Ведь ты должен скорей похудеть! Вот читать вслух — это мы тебе обещаем!

Медвежонок хотел вздохнуть, но не смог — настолько крепко он застрял. Он уронил слезинку и сказал:

— Ну, уж вы тогда хотя бы читайте мне какую-нибудь удобоваримую книгу, которая может поддержать и утешить несчастного медвежонка в безвыходном положении...

И вот целую неделю Кристофер Робин читал вслух именно такую удобоваримую, то есть понятную и интересную, книжку возле Северного Края Пуха, а Кролик вешал выстиранное бельё на его Южный Край... и тем временем Пух становился всё тоньше, и тоньше, и тоньше.

А когда неделя кончилась, Кристофер Робин сказал:

— Пора!

Он ухватился за передние лапы Пуха, Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все Родные и Знакомые Кролика (их было ужасно много!) ухватились за Кролика и стали тащить изо всей мочи.

И сперва Винни-Пух говорил одно слово:

— Ой!

А потом другое слово:

— Ох!

И вдруг — совсем-совсем вдруг — он сказал:

— Хлоп! — точь-в-точь как говорит пробка, когда она вылетает из бутылки.

Тут Кристофер Робин, и Кролик, и все Родные и Знакомые Кролика сразу полетели вверх тормашками!

А на вершине этой кучи очутился Винни-Пух — свободный!

Винни-Пух важно кивнул своим друзьям в знак благодарности и с важным видом отправился гулять по Лесу, напевая свою песенку.

А Кристофер Робин посмотрел ему вслед и ласково прошептал:

— Ах ты глупенький мой мишка!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Пух и Пятачок отправились на охоту и чуть-чуть не поймали Буку

Лучший друг Винни-Пуха, крошечный поросёнок, которого звали Пятачок, жил в большом-пребольшом доме, в большом-пребольшом дереве. Дерево стояло в самой середине Леса, дом был в самой середине дерева, а Пятачок жил в самой середине дома. А рядом с домом стоял столбик, на котором была прибита поломанная доска с надписью, и тот, кто умел немножко читать, мог прочесть:

ПОСТОРОННИМ В.

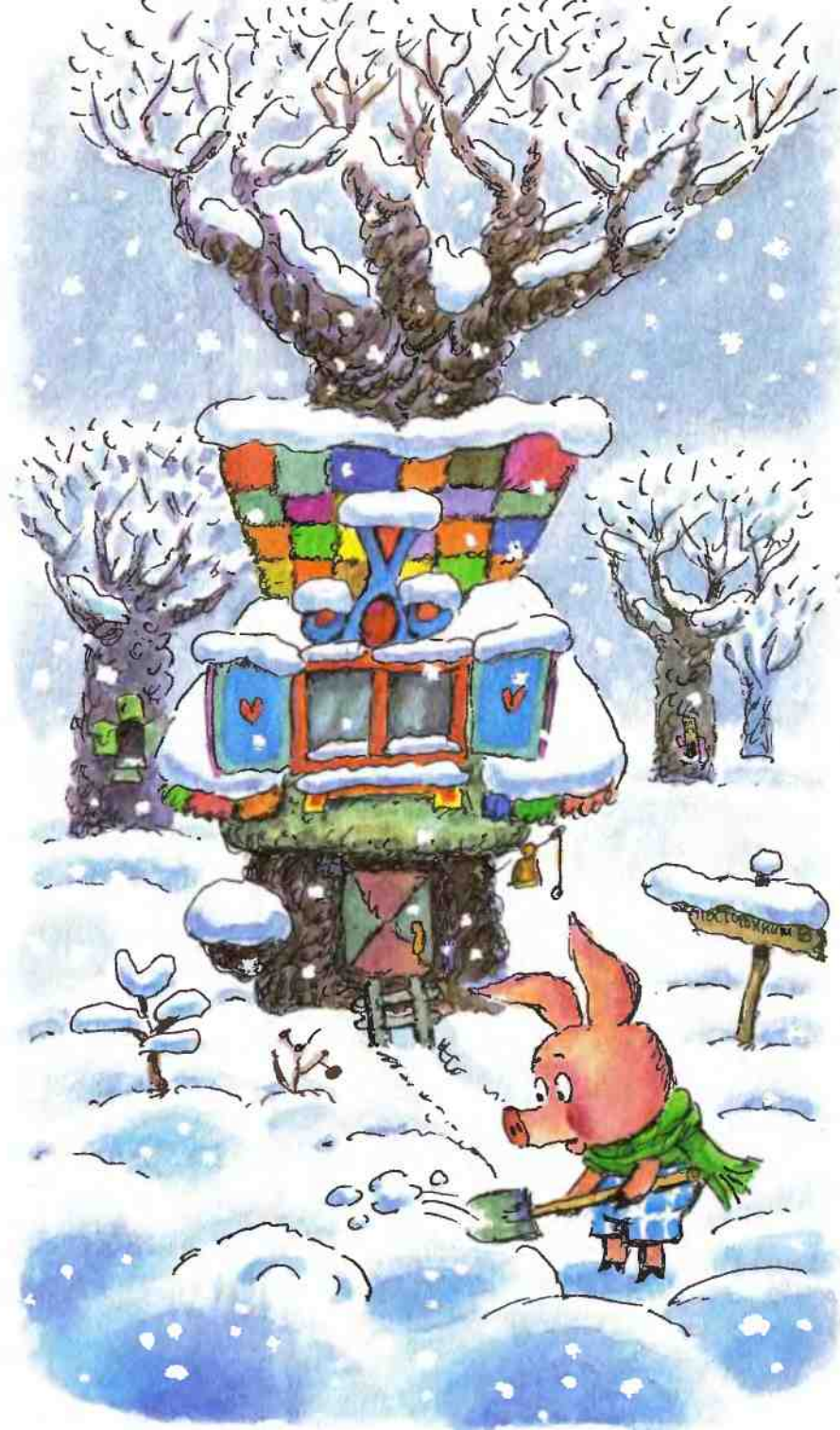
А больше никто ничего не мог прочесть, даже тот, кто умел читать совсем хорошо.

Как-то Кристофер Робин спросил у Пятачка, что тут, на доске, написано. Пятачок сразу же сказал, что тут написано имя его бабушки и что эта доска с надписью — их фамильная реликвия, то есть семейная драгоценность.

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени — Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что бабушку же так звали! И «В» — это просто сокращение, а полностью бабушку звали Посторонним Вилли, а это тоже сокращение имени Вильям Посторонним.

— У бабушки было два имени,— пояснил он,— специально на тот случай, если он одно где-нибудь потеряет.

— Подумаешь! У меня тоже два имени,— сказал Кристофер Робин.

— Ну вот, что я говорил! — сказал Пятачок. — Значит, я прав!

Был чудесный зимний день. Пятачок, разметавший снег у дверей своего дома, поднял голову и увидел не кого иного, как Винни-Пуха. Пух медленно шёл куда-то, внимательно глядя себе под ноги, и так глубоко задумался, что когда Пятачок окликнул его, он не подумал остановиться.

— Эй, Пух! — кричал Пятачок. — Здорово, Пух! Ты что там делаешь?

— Охочусь! — сказал Пух.

— Охотишься? На кого?

— Выслеживаю кого-то! — таинственно ответил Пух.

Пятачок подошёл к нему поближе:

— Выслеживаешь? Кого?

— Вот как раз об этом я всё время сам себя спрашиваю, — сказал Пух. — В этом весь вопрос: кто это?

— А как ты думаешь, что ты ответишь на этот вопрос?

— Придётся подождать, пока я с ним встречусь, — сказал Винни-Пух. — Погляди-ка сюда. — Он показал на снег прямо перед собой. — Что ты тут видишь?

— Следы, — сказал Пятачок. — Отпечатки лап! — Пятачок даже взвизгнул от волнения. — Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Бука?!

— Может быть, — сказал Пух. — Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь?

Он замолчал и решительно зашагал вперёд по следу, а Пятачок, помедлив минутку-другую, побежал за ним.

Внезапно Винни-Пух остановился и нагнулся к земле.

— В чём дело? — спросил Пятачок.

— Очень странная вещь, — сказал медвежонок. — Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому —

Неизвестно Кому — подошёл другой — Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоём. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты пойдёшь со мной, а то вдруг это окажутся Злые Звери?

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятницы он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдёт с Пухом, в особенности если там Настоящий Бука.

— Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Буки, — уточнил Винни-Пух, а Пятачок сказал, что это всё равно, ведь до пятницы ему совершенно ничего делать. И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Буки, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже шли вокруг рощицы.

По пути Пятачок рассказывал Винни-Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Посторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на склоне лет начал страдать одышкой, и всякие другие занятные вещи.

А Пух всё думал, как же этот дедушка выглядит.

И ему пришло в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймают этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы всё шли и шли перед ними...

Вдруг Винни-Пух снова остановился как вкопанный.

— Смотри! — кричал он шёпотом и показал на снег.

— Куда? — тоже шёпотом кричал Пятачок и подскочил от страха. Но чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул ещё разика два, как будто ему просто захотелось попрыгать.

— Следы, — сказал Пух. — Появился третий зверь!

— Пух,— взвизгнул Пятачок,— ты думаешь, это ещё один Бука?

— Нет, не думаю,— сказал Пух,— потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Буки, а один, скажем... скажем, Бяка... Или же, наоборот, два Бяки, а один, скажем... скажем, Бука... Надо идти за ними, ничего не поделаешь.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями. И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый дедушка Посторонним В. был сейчас тут, а не где-то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем-совсем случайно, встретили Кристофера Робина,— конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина!..

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко. Перед ним были следы четырёх зверей!

— Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Буки и один Бяка! Ещё один Бука прибавился!..

Да, по-видимому, так и было! Следы, правда, немного пугались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырёх комплектов лап.

— Знаешь что? — сказал Пятачок, в свою очередь облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает.— Знаешь что? По-моему, я что-то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно поскорее пойти домой и сделать это дело.

— Давай сделаем это после обеда,— сказал Пух,— я тебе помогу.

— Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда,— поскорее сказал

Пятачок.— Это такое специальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего часов в... Который час, ты говорил?

— Часов двенадцать,— сказал Пух, посмотрев на солнце.

— Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут первого! Так что ты уж на меня не обижайся, а я... Ой, мама! Кто там?

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей-то свист, взглянул на большой дуб и увидел кого-то на ветке.

— Да это же Кристофер Робин! — сказал он.

— А-а, ну тогда всё в порядке,— сказал Пятачок,— с ним тебя никто не тронет. До свиданья!

И он побежал домой что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

— Глупенький мой мишка,— сказал он,— чем это ты там занимаешься? Я смотрю, сначала ты один обошёл два раза вокруг этой рощицы, потом Пятачок побежал за тобой, и вы стали ходить вдвоём... Сейчас, по-моему, вы собирались обойти её в четвёртый раз по своим собственным следам!..

— Минутку,— сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался — глубоко-глубоко.

Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

— Н-да...— сказал он.— Теперь я понял,— добавил он.— Я даже не знал, что я такой глупый простофиля! — сказал Винни-Пух.— Я самый бестолковый медвежонок на свете!

— Что ты! Ты самый лучший медвежонок на свете! — утешил его Кристофер Робин.

— Правда? — спросил Пух. Он заметно утешился. И вдруг он совсем просиял: — Что ни говори, а уже пора обедать,— сказал он. И он пошёл домой обедать.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*в которой Иа-Иа теряет хвост,
а Пух находит*

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинёшенек в заросшем чертополохом уголке Леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьёзных Вещах. Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой из этого следует вывод?» И не удивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чём же он, собственно, думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжёлые шаги Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поздороваться.

— Как самочувствие? — по обыкновению, уныло спросил он.

— А твоё как? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень как! — сказал он.— Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как.

— Ай-ай-ай,— сказал Винни-Пух,— очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

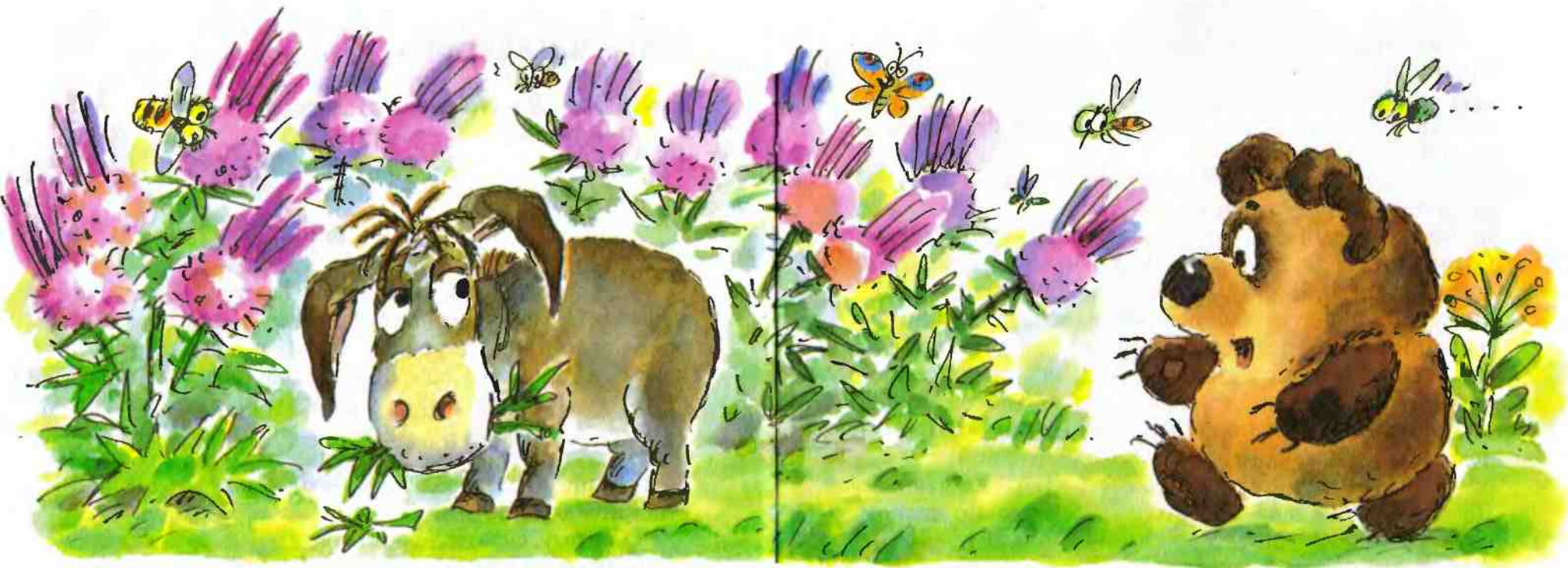
Иа-Иа продолжал стоять, понуро глядя в землю, и Винни-Пух обошёл вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивлённо.

— А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

— А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотрим,— сказал Иа-Иа.

И он медленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост; затем, заметив, что ему никак не удаётся его догнать, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

— Кажется, ты прав.

— Конечно, я прав,— сказал Пух.

— Это вполне естественно,— грустно сказал Иа-

Иа.— Теперь всё понятно. Удивляться не приходится.

— Ты, наверно, его где-нибудь позабыл,— сказал Винни-Пух.

— Наверно, его кто-нибудь утащил...— сказал Иа-Иа.— Чего от них ждать! — добавил он после большой паузы.

Пух почувствовал, что он должен сказать что-нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого *сделать* что-нибудь полезное.

— Иа-Иа,— торжественно произнёс он,— я, Винни-Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

— Спасибо, Пух,— сказал Иа.— Ты настоящий друг. Не то, что некоторые!

И Винни-Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь чудесным весенним утром. Маленькие прозрачные облачка весело играли на синем небе. Они то набегали на солнышко, словно хотели его закрыть, то поскорее убегали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого внимания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не снимая, казалась старой и потрепанной рядом с берёзками, надевшими новые зелёные кружева. Винни шагал мимо сосен и ёлок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьёв и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошёл в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДЁРГАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всём Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать своё имя — *Сава*, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочёл оба объявления, сначала слева направо, а потом — на тот случай, если что-нибудь он пропустил, — справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом подёргал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришёл Медведь!

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух,— сказала она.— Какие новости?

— Грустные и ужасные,— сказал Пух,— потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нём. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну,— сказала Сова,— обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычья Цедура? — сказал Пух.— Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока она означает это, я не возражаю,— смиренно сказал Пух.

— А сделать нужно следующее: во-первых, сообщеи в прессу. Потом...

— Будь здорова,— сказал Пух, подняв лапу.— Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты чихнула, когда собиралась сказать.

— Я не чихала.

— Нет, Сова, ты чихнула.

— Прости, пожалуйста, Пух, но я не чихала. Нельзя же чихать и не знать, что ты чихнул.

— Ну и нельзя знать, что кто-то чихнул, когда никто не чихал.

— Я начала говорить: сперва сообщеи...

— Ну вот ты опять! Будь здорова,— грустно сказал Винни-Пух.

— Сообщеи в печать,— очень громко и внятно сказала Сова.— Дай в газету объявление и пообещай

награду. Надо написать, что мы дадим что-нибудь хорошенькое тому, кто найдёт хвост Иа-Иа.

— Понятно, понятно,— сказал Пух, кивая головой.— Кстати, насчёт «чего-нибудь хорошенького»,— продолжал он сонно,— я обычно как раз в это время не прочь бы чем-нибудь хорошенько подкре...— И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы.— Скажем, ложечкой сгущённого молока или ещё чем-нибудь, например, одним глоточком мёду...

— Ну вот,— сказала Сова,— мы, значит, напишем наше объявление, и его расклеят по всему Лесу.

«Ложечка мёду,— пробормотал медвежонок про себя,— или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились всё длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала, и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

— Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на всё, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чём идёт речь.

— Как, ты их не видел? — спросила Сова, явно удивившись.— Пойдём, посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на звонок и на объявление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шёл от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее. Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает,— сказал он,— но я не могу вспомнить что. Где ты его взяла?

— Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живёт, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой, и...

— Сова,— сказал Пух торжественно,— он кому-то очень нужен.

— Кому?

— Иа. Моему дорогому другу Иа-Иа. Он... он очень любил его.

— Любил его?

— Был очень привязан к нему,— грустно сказал Винни-Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и отнёс его хозяину, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибил Хвост на место, Иа-Иа принялся носиться по Лесу, с таким восторгом размахивая хвостом, что у Винни-Пуха защекотало во всём теле и ему пришлось поскорее побежать домой и немножко подкрепиться.

Спустя полчаса, утирая губы, он гордо спел:

Кто нашёл хвост?

Я, Винни-Пух!

Около двух

(Только по-правдашнему было около одиннадцати!)

Я нашёл хвост!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Пятачок встречает Слонопотама

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и сказал, как будто между прочим:

— Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

— Ну, просто слонялся,— сказал Кристофер Робин.— По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел,— сказал Пятачок.— По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже,— сказал Пух, недоумевая. «Интересно, кто же это такой, Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь,— небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас,— сказал Пятачок.

— Особенно в это время года,— сказал Пух.

Потом они заговорили о чём-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они плелись по дорожке на краю Дремучего Леса, оба молчали; но когда они дошли до речки и стали помогать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: «Понимаешь, Пух, что я хочу сказать?» А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Но с другой стороны, Пух, мы не должны забывать».

А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду».

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух огляделся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

— Пятачок, я что-то придумал.

— Что ты придумал, Пух?

— Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни-Пух несколько раз подряд кивнул головой. Он ожидал, что Пятачок скажет: «Ну да!», или «Да ну?», или: «Пух, не может быть!», или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок огорчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Я думаю поймать его,— сказал Пух, подождав ещё немножко,— в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придётся помочь мне, Пятачок.

— Пух,— сказал Пятачок, немедленно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым,— я тебе, конечно, помогу.— А потом он сказал: — А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

— В этом-то вся соль — как?

Они сели, чтобы обдумать своё предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову,— вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдёт гулять и упадёт в эту яму и...

— Почему? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадёт?

Пух потёр нос лапой и сказал, что, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглядывая на небо — не пойдёт ли

дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь всё ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщён, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже всё равно что пойман.

— Но,— сказал он,— осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в неё упадёт!

— Но ведь он тогда увидит, как мы её будем копать,— сказал Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть в небо!

— А вдруг он случайно посмотрит вниз? — сказал Пух.— Тогда он может обо всём догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

— Да, это не так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадаются...

— Наверно, поэтому,— согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, вытащив друг из друга немножко колючек, опять сели, и

всё это время Пух говорил себе: «Эх, эх, если бы только я умел думать!..» Винни в глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у охотника в голове был настоящий ум, а не опилки...

— Предположим,— сказал он Пятачку,— ты бы хотел поймать меня. Как бы ты за это взялся?

— Ну,— сказал Пятачок,— я бы вот как сделал: я бы сделал западню, и я бы поставил туда приманку — горшок мёду. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

— Да, я бы полез за ним туда,— взволнованно сказал Пух,— только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и я бы взял этот горшок с мёдом, и сперва я бы облизал только края, как будто там больше мёда нет, а там отошёл бы в сторону и подумал о нём немножко, а потом я бы вернулся и начал бы лизать с самой середины горшка, а потом...

— Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное — ты был бы в ловушке, и я бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, жёлуди, верно? У нас сейчас их очень много... Эй, Пух, очнись!

Пух, который тем временем совсем размечтался о мёде, очнулся и даже подскочил и сказал, что мёд гораздо приманочней, чем жёлуди. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом, но Пятачок вовремя сообразил, что если они будут класть в ловушку жёлуди, то жёлуди придётся собирать ему, Пятачку, а если решат поставить туда мёд, то его принесёт Пух. Поэтому он сказал: «Очень хорошо, значит, мёд!» — в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собирался сказать: «Очень хорошо, значит, жёлуди».

— Значит, мёд,— повторил Пятачок для верности.— Я выкопаю яму, а ты сходишь за мёдом.

— Отлично,— сказал Пух и пошёл домой.

Придя домой, он подошёл к буфету, влез на стул и достал с верхней полки большой-пребольшой горшок мёду. На горшке было написано «Миот», но, чтобы удостовериться окончательно, Винни-Пух снял с него бумажную крышку и заглянул внутрь. Там действительно был мёд.

— Но ручаться нельзя,— сказал Пух.— Я помню, мой дядя как-то говорил, что он однажды видел сыр точь-в-точь такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордочку и как следует лизнул.

— Да,— сказал он,— это он. Сомневаться не приходится. Полный горшок мёду. Конечно, если только никто не положил туда на дно сыру — просто так, шутки ради. Может быть, мне лучше немного углубиться... на случай... На тот случай, если Слонопотам не любит сыру... как и я... Ах! — И он глубоко вздохнул.— Нет, я не ошибся. Чистый мёд сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понёс горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: «Это всё, что у тебя осталось?» А Пух сказал: «Да», потому что это была правда.

И вот Пятачок поставил горшок на дно ямы, вылез оттуда, и они пошли домой.

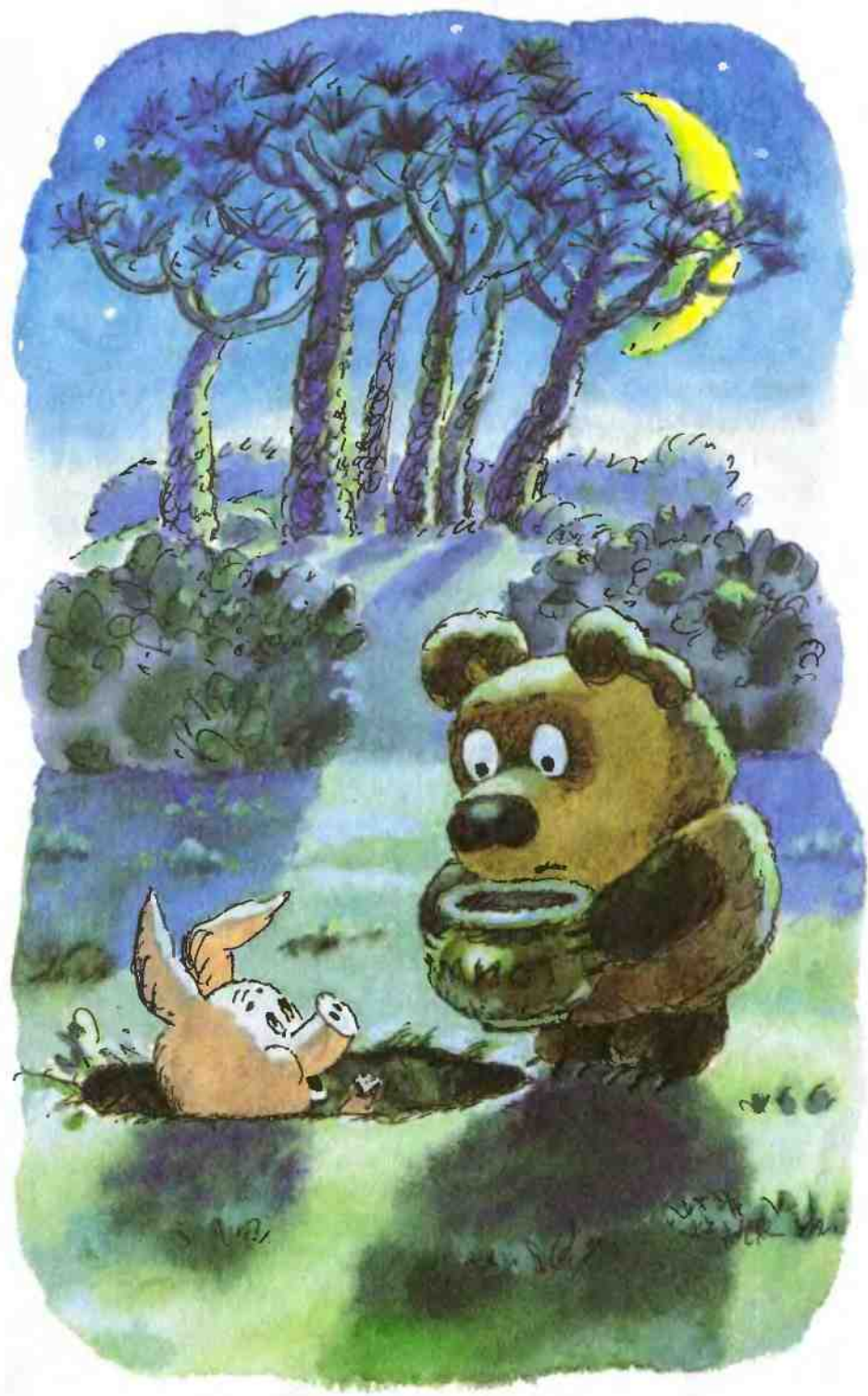
— Ну, Пух, спокойной ночи,— сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха.— Завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы наловили Слонопотамов.

— До шести, Пятачок. А верёвка у тебя найдётся?

— Нет. А зачем тебе понадобилась верёвка?

— Чтобы отвести их домой.

— Ох... А я думал, Слонопотамы идут на свист.

— Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ручаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

И Пятачок побежал рысцой к своему дому, возле которого была доска с надписью «Посторонним В.», а Винни-Пух лёг спать.

Спустя несколько часов, когда ночь уже потихоньку убиралась восвояси, Пух внезапно проснулся от какого-то щемящего чувства. У него уже бывало раньше это щемящее чувство, и он знал, что оно означает: ему хотелось есть.

Он поплёлся к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашёл там пустоту.

«Это странно,— подумал он,— я же знаю, что у меня там был горшок мёду. Полный горшок, полный мёдом до самых краёв, и на нём было написано «*Мюот*», чтобы я не ошибся. Очень, очень странно».

И он начал расхаживать по комнате взад и вперёд, раздумывая, куда же мог деваться горшок, и ворча про себя песенку-ворчалку. Вот какую:

*Куда мой мёд деваться мог?
Ведь был полнёхонький горшок!
Он убежать никак не мог —
Ведь у него же нету ног!*

*Не мог уплыть он по реке
(Он без хвоста и плавников),
Не мог зарыться он в песке...
Не мог, а всё же был таков!*

*Не мог уйти он в тёмный лес,
Не мог взлететь под небеса...
Не мог, а всё-таки исчез!
Ну, это прямо чудеса!*

Он проворчал эту песню три раза и внезапно всё вспомнил. Он же поставил горшок в Хитрую Западню для Слонопотамов!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух.— Вот что получается, когда чересчур заботишься о Слонопотамах!

И он снова лёг в постель.

Но ему не спалось. Чем больше старался он уснуть, тем меньше у него получалось. Он попробовал считать овец — иногда это очень неплохой способ,— но это не помогало. Он попробовал считать Слонопотамов, но это оказалось ещё хуже, потому что каждый Слонопотам, которого он считал, сразу кидался на Пухов горшок с мёдом и всё съедал дочиста!

Несколько минут Пух лежал и молча страдал, но когда пятьсот восемьдесят седьмой Слонопотам облизал свои клыки и прорычал: «Очень неплохой мёд, пожалуй, лучшего я никогда не пробовал», Пух не выдержал. Он скатился с кровати, выбежал из дому и помчался напрямик к Шести Соснам.

Солнце ещё нежилось в постели, но небо над Дремучим Лесом слегка светилось, как бы говоря, что солнышко уже просыпается и скоро вылезет из-под одеяла. В рассветных сумерках Сосны казались грустными и одинокими; Очень Глубокая Яма казалась ещё глубже, чем была, а горшок с мёдом, стоявший на дне, был совсем призрачным, словно тень. Но когда Пух подошёл поближе, нос сказал ему, что тут, конечно, мёд, и язычок Пуха вылез наружу и стал облизывать губы.

— Жалко-жалко,— сказал Пух, сунув нос в горшок,— Слонопотам почти всё съел!

Потом, подумав немножко, он добавил:

— Ах нет, это я сам. Я позабыл.

К счастью, оказалось, что он съел не всё.

На самом доньшке горшка осталось ещё немножко мёда, и Пух сунул голову в горшок и начал лизать и лизать...

Тем временем Пятачок тоже проснулся. Проснувшись, он сразу же сказал: «Ох». Потом, собравшись с духом, заявил: «Ну что же!» «Придётся», — закончил он отважно. Но все поджилки его тряслись, потому что в ушах у него гремело страшное слово — *СЛОНОПОТАМ!*

Какой он, этот Слонопотам?

Неужели очень злой?

Идёт ли он на свист? И если идёт, то ЗАЧЕМ?..

Любит ли он поросят или нет?

И КАК он их любит?..

Если он ест поросят, то, может быть, он всё-таки не тронет поросёнка, у которого есть дедушка по имени Посторонним В.?

Бедный Пятачок не знал, как ответить на все эти вопросы. А ведь ему через какой-нибудь час впервые в жизни предстояло встретиться с настоящим Слонопотамом!

Может быть, лучше притвориться, что заболела голова, и не ходить к Шести Соснам?

Но вдруг будет очень хорошая погода и никакого Слонопотама в западне не окажется, а он, Пятачок, зря проваляется всё утро в постели?

Что же делать?

И тут ему пришла в голову хитрая мысль. Он пойдёт сейчас потихоньку к Шести Соснам, очень осторожно заглянет в западню и посмотрит, есть там Слонопотам или нет. Если он там, то он, Пятачок, вернётся и ляжет в постель, а если нет, то он, конечно, не ляжет!..

И Пятачок пошёл. Сперва он думал, что, конечно, никакого Слонопотама там не окажется; потом стал думать, что нет, наверно, окажется; когда же

он подходил к западне, он был в этом совершенно уверен, потому что услышал, как тот слонопотамит вовсю!

— Ой-ой-ой! — сказал Пятачок. Ему очень хотелось убежать. Но он не мог. Раз он уже подошёл так близко, нужно хоть одним глазком взглянуть на Слонопотама. И вот он осторожно подкрался сбоку к яме и заглянул туда...

А Винни-Пух всё никак не мог вытащить голову из горшка с мёдом. Чем больше он тряс головой, тем крепче сидел горшок. Пух кричал: «Мама!», кричал: «Помогите!», кричал и просто: «Ай-ай-ай!», но всё это не помогало. Он пытался стукнуть горшком обо что-нибудь, но, так как он не видел, обо что он стучает, и это не помогало. Он пытался вылезти из западни, но, так как не видел ничего, кроме горшка (да и тот не весь), и это не получалось.

Совсем измучившись, он поднял голову (вместе с горшком) и издал отчаянный, жалобный вопль...

И именно в этот момент Пятачок заглянул в яму.

— Караул! Караул! — закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! — И он помчался прочь, так что пятки засверкали, продолжая вопить: — Караул! Слонасный ужопотам! Караул! Потасный Слоноужам! Слоноул! Слоноул! Карасный Потослонам!..

Он вопил и сверкал пятками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чём дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, натягивая штанишки.

— Ккк-карапот, — сказал Пятачок, который так запыхался, что едва мог выговорить слово. — Ужо... пото... Слонопотам!

— Где?

— Вон там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он? ..

— У-у-ужасный! С вот такойловицей! Ну прямо, прямо... как... как не знаю что! Как горшок!

— Ну, — сказал Кристофер Робин, надевая ботинки, — я должен на него посмотреть. Пошли.

Конечно, вдвоём с Кристофером Робинем Пятачок ничего не боялся. И они пошли.

— Слышишь, слышишь? Это он! — сказал Пятачок испуганно, когда они подошли поближе.

— Что-то слышу, — сказал Кристофер Робин.

Они слышали стук. Это бедный Винни наконец наткнулся на какой-то корень и пытался разбить свой горшок.

— Стой, дальше нельзя! — сказал Пятачок, крепко стиснув руку Кристофера Робина. — Ой, как страшно!..

И вдруг Кристофер Робин покатился со смеху. Он хохотал и хохотал... хохотал и хохотал... И пока он хохотал, голова Слонопотама здорово ударилась о корень. Трах! — горшок разлетелся вдребезги. Бах! — и появилась голова Винни-Пуха.

И тут наконец Пятачок понял, каким он был глупым Пятачком. Ему стало так стыдно, что он стремглав помчался домой и лёг в постель с головной болью, и в это утро он почти окончательно решил убежать из дому и стать моряком.

А Кристофер Робин и Пух отправились завтракать.

— Мишка! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя ужасно люблю!

— А я-то! — сказал Винни-Пух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой у Иа-Иа был день рождения,
а Пятачок едва не улетел на Луну*

Как-то Иа-Иа — старый серый ослик — долго стоял на берегу ручья и понуро смотрел в воду на своё отражение.

— Душераздирающее зрелище,— сказал он наконец.— Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрёл вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешёл ручей вброд и так же медленно побрёл обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думал,— вздохнул он.— С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в ольшанике послышался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух,— уныло ответил Иа.— Если это утро доброе. В чём я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могут. А некоторым и не приходится. Тут ничего не попишешь.

— Чего все не могут? — переспросил Пух, потерев нос.

— Веселиться. Петь, плясать и так далее. Под ореховым кустом.

— А-а, понятно...— сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: — Под каким ореховым кустом?

— Под которым орешки калёные,— уныло продолжал Иа-Иа.— Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалею, но так оно и есть.

Пух уселся на большой камень и попытался что-нибудь понять. Получилось что-то вроде загадки, а Пух был очень слабоват по части загадок, поскольку в голове у него были опилки. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОРОК ПЯТОК

*— Вопрос мой прост и краток,—
Промолвил Носорог,—
Что лучше — сорок пяток
Или пяток сорок?
Увы, никто на это
Ответа
Дать не мог!*

— Вот-вот, правильно,— сказал Иа-Иа.— Пой, пой. Трум-тум-тум-тирим-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радостей детишкам принесла. Веселись и развлекайся.

— Я веселюсь,— сказал Пух.

— Кое-кому удаётся,— сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивлённый.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки.— Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону.— Посмотри на именинный пирог!

Пух посмотрел — сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он.— Именинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет,— сказал Пух.

— Я тоже,— сказал Иа-Иа.— Это шутка,— объяснил он.— Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем сбитый с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

— Ох! Ну, поздравляю тебя и желаю много-много счастья в этот день.

— И я тебя поздравляю и желаю много-много счастья в этот день, медвежонок Пух.

— Но ведь сегодня не мой день рождения.

— Нет, не твой, а мой.

— А ты говоришь «желаю тебе счастья в этот день».

— Ну и что же? Разве ты хочешь быть несчастным в мой день рождения?

— А, понятно,— сказал Пух.

— Хватит и того,— сказал Иа-Иа, чуть не плача,— хватит и того, что я сам такой несчастный — без подарков и без именинного пирога, и вообще позабытый и позаброшенный, а уж если все остальные будут несчастны...

Этого Винни-Пух уже не вынес.

— Постой тут,— крикнул он и со всех ног помчался домой. Он почувствовал, что должен немедленно преподнести бедному ослику хоть что-нибудь, а потом у него всегда будет время подумать о Настоящем Подарке.

Возле своего дома он наткнулся на Пятачка, который прыгал у двери, пытаясь достать кнопку звонка.

— Здравствуй, Пятачок,— сказал Винни-Пух.

— Здравствуй, Винни,— сказал Пятачок.

— Что это ты делаешь?

— Я стараюсь позвонить,— объяснил Пятачок.— Я тут шёл мимо и...

— Давай я тебе помогу,— сказал Пух услужливо. Он подошёл к двери и нажал кнопку.— А я только что видел Иа,— начал он.— Бедный ослик ужасно расстроен, потому что у него сегодня день рождения, а все о нём забыли, и он очень понурился — ты ведь знаешь, как он это умеет, ну и вот он такой понурый, а я... Да что же это нам никто не открывает — заснули они там все, что ли? — И Пух снова позвонил.

— Пух,— сказал Пятачок.— Это же твой собственный дом!

— А-а,— сказал Пух.— Ну да, верно! Тогда давай войдём!

И они вошли в дом.

Пух первым делом подошёл к буфету, чтобы удостовериться, есть ли у него подходящий, не особенно большой горшочек с мёдом. Горшочек оказался на месте, и Пух снял его с полки.

— Я отнесу его Иа,— объяснил он.— В подарок. А ты что ему думаешь подарить?

— А можно, я тоже его подарю? — спросил Пятачок.— Как будто от нас обоих.

— Нет,— сказал Пух.— Это ты плохо придумал.

— Ну, тогда ладно. Я подарю Иа воздушный шарик. У меня остался один от праздника. Я сейчас за ним схожу, хорошо?

— Вот это ты очень хорошо придумал, Пятачок! Ведь Иа нужно развеселить. А с воздушным шариком кто хочешь развеселится! Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!

Ну, и Пятачок пустился рысцой домой, а Пух с горшочком мёду направился к ручью.

День был жаркий, а путь неблизкий, и, не пройдя и полпути, Пух вдруг почувствовал странное щекотание. Сначала у него защекоotalo в носу, потом в горле, а потом засосало под ложечкой и так постепенно дошло до самых пяток. Казалось, словно кто-то внутри него говорил: «Знаешь, Пух, сейчас самое время чем-нибудь немножко...»

— Ай-ай,— сказал Пух,— я и не знал, что уже так поздно!

Он сел на землю и снял крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой,— сказал он.— Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы захватить с собой то, чем можно немножко подкрепиться!..

— А теперь подумаем,— сказал он, в последний раз облизав доньшко горшка,— подумаем, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа.

Винни-Пух не спеша встал. И тут он вдруг всё вспомнил. Он же съел Подарок!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух.— Что мне делать? Я же должен подарить ему что-нибудь! Ай-ай-ай-ай-ай!

Сперва он прямо не знал, что и думать. А потом он подумал:

«Всё-таки это очень хорошенький горшочек, хотя в нём и нет мёду. Если я его как следует вымою и попрошу кого-нибудь написать на нём: «Поздравляю с днём рождения», Иа сможет держать в нём что хочешь. Это будет полезная вещь!»

И так как он в это время был недалеко от Дома Совы — а все в лесу были уверены, что Сова прекрасно умеет писать,— он решил зайти к ней в гости.

— Доброе утро, Сова! — сказал Пух.

— Доброе утро, Пух! — ответила Сова.
— Поздравляю тебя с днём рождения Иа-Иа, — сказал Пух.
— Вот как? — удивилась Сова.
— Да. А что ты ему думаешь подарить?
— А ты что думаешь ему подарить?
— Я несу ему в подарок Полезный Горшок, в котором можно держать всё, что хочешь, — сказал Пух. — И я хотел попросить тебя...
— Вот этот? — спросила Сова, взяв горшок из лапок Пуха.
— Да, и я хотел попросить тебя...
— Тут когда-то держали мёд, — сказала Сова.
— В нём можно что хочешь держать, — серьёзно сказал Пух. — Это очень, очень полезная вещь. И я хотел попросить тебя...
— Ты бы написал на нём: «Поздравляю с днём рождения».
— Так вот об этом я и пришёл тебя попросить! — объяснил Пух. — Потому что у меня правильнописание какое-то хромое. Вообще-то оно хорошее правильнописание, но только почему-то хромает и буквы опаздывают... на свои места. Ты напишешь на нём: «Поздравляю с днём рождения»? Очень тебя прошу!
— Славный горшочек, — сказала Сова, оглядев горшок со всех сторон. — А можно, я его тоже подарю? Пусть это будет наш общий подарок.
— Нет, — сказал Пух. — Это ты плоховато придумала. Давай я лучше его сперва помою, а потом ты на нём всё напишешь.
И вот он вымыл горшок и вытер его досуха, а Сова тем временем мусолила кончик своего карандаша и думала, как же пишется слово «Поздравляю».
— Пух, а ты умеешь читать? — спросила она без тревоги в голосе. — Вот, например, у меня на

двери висит объявление, как звонить,— это мне Кристофер Робин написал. Ты можешь его прочесть?

— Кристофер Робин сказал мне, что там написано, и тогда я уж смог,— ответил Пух.

— Очень хорошо! Вот и я тоже скажу тебе, что тут, на горшке, будет написано, и тогда ты сможешь прочитать!

И Сова начала писать... Вот что она написала:

«Про зря вля бя сдине мраш дня про зря бя бя вля!»

Пух с восхищением посмотрел на эту надпись.

— Я тут написала: «Поздравляю с днём рождения»,— небрежно заметила Сова.

— Вот это надпись так надпись! — с уважением сказал Винни-Пух.

— Ну, если уж всё тебе сказать, тут написано полностью так: «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Я не считалась с расходом графита.

— Чего? — спросил Пух.

— Тут одного карандаша сколько пошло! — пояснила Сова.

— Ещё бы! — сказал Пух.

Тем временем Пятачок успел сбегать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа-Иа, понёсся во весь дух, крепко прижимая воздушный шарик к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок ужасно спешил, чтобы поспеть к Иа-Иа раньше Пуха; ему хотелось первым преподнести ослику подарок, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки.

Он так спешил и так задумался о том, как Иа-Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в мышиную норку и бедный Пятачок полетел носом вниз:

БУМ!!!

Пятачок лежал на земле, не понимая, что же

произошло. Сперва он подумал, что весь мир взлетел на воздух, потом он подумал, что, может быть, только их любимый Лес; ещё потом — что, может быть, только он, Пятачок, взлетел и сейчас он одинёшенек лежит где-нибудь на Луне и никогда-никогда не увидит ни Пуха, ни Кристофера Робина, ни Иа... И тут ему пришло в голову, что даже на Луне не обязательно всё время лежать носом вниз. Он осторожно встал, осмотрелся кругом...

Он всё ещё был в Лесу!

«Очень интересно! — подумал он.— Интересно, что же это был за Бум? Не мог же я сам наделать столько шуму, когда упал! И где, интересно, мой шар? И откуда, интересно, взялась тут эта тряпочка?»

О ужас! Эта тряпочка — это и был, именно был! — его воздушный шар!!

— Ой, мама! — сказал Пятачок.— Ой, мама, ой, мамочка, ой, мама, мама, мама! Ну что ж... Теперь делать нечего. Возвращаться назад нельзя. Другого шара у меня нет... Может быть, Иа-Иа не так уж любит воздушные шары?..

И он побежал дальше. По правде сказать, бежал он уже не очень весело, но всё же скоро он добежал до того самого места, где стоял Иа-Иа и по-прежнему смотрел на своё отражение в воде.

— Доброе утро, Иа! — крикнул Пятачок ещё издали.

— Доброе утро, маленький Пятачок,— сказал Иа-Иа.— Если это утро — доброе,— добавил он,— в чём я лично сомневаюсь. Но это неважно.

— Поздравляю тебя с днём рождения,— сказал Пятачок, подойдя тем временем поближе.

Иа оторвался от своего занятия и уставился на Пятачка.

— Повтори-ка, повтори,— сказал он.

— Поздрав...

— Минуточку...

С трудом держась на трёх ногах, Иа стал осторожно поднимать четвёртую ногу к уху.

— Я вчера этому научился,— пояснил он, упав в третий раз.— Это очень просто, и, главное, я так лучше слышу. Ну вот, всё в порядке. Так как ты сказал, повтори,— произнёс он, с помощью копыта наставив ухо вперёд.

— Поздравляю с днём рождения,— повторил Пятачок.

— Это ты меня?

— Конечно, Иа-Иа.

— С моим днём рождения?

— Да.

— Значит, у меня настоящий день рождения?

— Конечно, Иа, и я принёс тебе подарок.

Иа-Иа медленно опустил правую ногу и с небольшим трудом поднял левую.

— Я хочу послушать ещё другим ухом,— пояснил он.— Теперь говори.

— По-да-рок! — повторил Пятачок очень громко.

— Мне?

— Да.

— К дню рождения?

— Конечно!

— Значит, у меня получился настоящий день рождения?

— Конечно! И я принёс тебе воздушный шар.

— Воздушный шар? — сказал Иа-Иа.— Ты сказал — воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их ещё надувают? Песни-пляски, гоп-гоп-гоп и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень огорчён... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, так жаль! Ты, наверно, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но он... он... Ох, Иа, он лопнул. Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа-Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой деньрожденный подарок?

— Да, Иа,— сказал Пятачок, слегка хлюпая носом.— Вот он. Поздравляю тебя с днём рождения.

И он подал Иа-Иа резиновую тряпочку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивлённый.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

— Да.

— Спасибо, Пятачок,— сказал Иа.— Извини, пожалуйста,— продолжал он,— но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

— Красного.

«Подумать только! Красного... Мой любимый цвет»,— пробормотал Иа-Иа про себя.

— А какого размера?

— Почти с меня.

— Да? Подумать только, почти с тебя!.. Мой любимый размер! — грустно сказал Иа-Иа себе под нос.— Так, так.

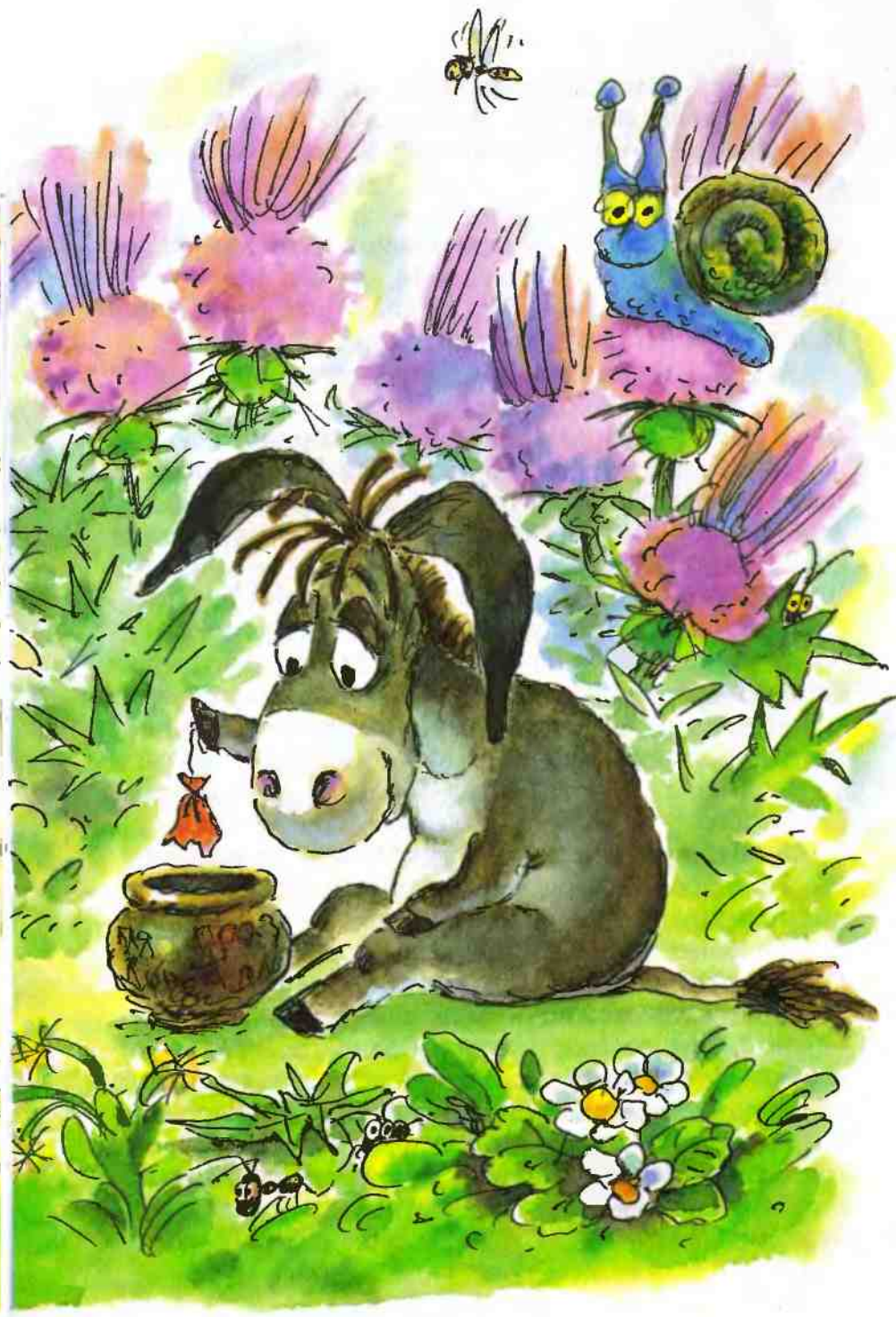
Пятачок почувствовал себя очень неважно и прямо не знал, что говорить. Он то и дело открывал рот, собираясь что-нибудь сказать, но тут же решал, что именно этого говорить и не стоит.

И вдруг, на его счастье, с того берега ручья их кто-то окликнул. То был Пух.

— Желаю много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он это уже говорил.

— Спасибо, Пух, мне уже посчастливилось,— уныло ответил Иа-Иа.

— Я принёс тебе подарочек,— продолжал Пух радостно.

— Есть у меня подарочек,— отвечал Иа-Иа.
Тем временем Пух перебрался через ручей и подошёл к Иа-Иа. Пятачок сидел немного поодаль, хлюпая носом.

— Вот он,— объявил Пух.— Это — Очень Полезный Горшок. А на нём знаешь чего написано? «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Вот сколько всего написано! И в него можно класть что хочешь. Держи.

Иа-Иа, увидев горшок, очень оживился.

— Вот это да! — закричал он.— Знаете что? Мой шарик как раз войдёт в этот горшок!

— Что ты, что ты, Иа,— сказал Пух.— Воздушные шары не входят в горшки. Они слишком большие. Ты с ними не умеешь обращаться. Нужно вот как: возьми шарик за верё...

— Это другие шары не входят, а мой входит,— с гордостью сказал Иа-Иа.— Гляди, Пятачок!

Пятачок грустно оглянулся, а Иа-Иа схватил свой бывший шарик зубами и осторожно положил его в горшок, потом он достал его и положил на землю, а потом снова поднял и осторожно положил обратно.

— Выходит! — закричал Пух.— Я хочу сказать, он входит!

— Входит! — закричал Пятачок.— И выходит!

— Здорово выходит! — закричал Иа-Иа.— Входит и выходит — прямо замечательно!

— Мне очень приятно,— радостно сказал Пух,— что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какие хочешь вещи!

— А мне очень приятно,— радостно сказал Пятачок,— что я догадался подарить тебе такую Вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа-Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Кенга и Крошка Ру появляются в Лесу, а Пятачок принимает ванну

Никто не знал, откуда они взялись, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и Крошка Ру.

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путём. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и сказал: «Обычным путём. Угу. Угу». И отправился в гости к своему другу Пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос втроём.

— Мне вот что не нравится,— сказал Кролик,— вот мы тут живём — ты, Пух, и ты, Поросёнок, и я,— и вдруг...

— И ещё Иа,— сказал Пух.

— И ещё Иа,— и вдруг...

— И ещё Сова,— сказал Пух.

— И ещё Сова,— и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и ещё Иа,— сказал Пух,— я про него чуть было не позабыл!

— *Вот мы тут живём*,— сказал Кролик очень медленно и громко,— *все мы*, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то *незнакомое животное!* Животное, о котором мы никогда и не слышали раньше!! Животное, которое носит своих детей в кармане!!! Предположим, что я стал бы носить своих

детей в кармане, сколько бы мне понадобилось для этого карманов?

— Шестнадцать,— сказал Пятачок.

— Семнадцать, кажется... Да, да,— сказал Кролик,— и ещё один для носового платка,— итого восемнадцать. Восемнадцать карманов в одном костюме! Я бы просто запутался!

Тут все замолчали и стали думать про карманы.

После длинной паузы Пух, который несколько минут ужасно морщил лоб, сказал:

— По-моему, их пятнадцать.

— Чего, чего? — спросил Кролик.

— Пятнадцать.

— Пятнадцать чего?

— Твоих детей.

— А что с ними случилось?

Пух потёр нос и сказал, что ему казалось, Кролик говорил о своих детях.

— Разве? — небрежно сказал Кролик.

— Да, ты сказал...

— Ладно, Пух, забудем это,— нетерпеливо перебил его Пятачок.— Вопрос вот в чём: что мы должны сделать с Кенгой?

— А-а, понятно,— сказал Пух.

— Самое лучшее,— сказал Кролик,— будет вот что. Самое лучшее — украсть Крошку Ру и спрятать его, а потом, когда Кенга скажет: «Где Крошка Ру?» — мы скажем: «АГА!»

— АГА! — сказал Пух, решив поупражняться.— АГА! АГА!

— По-моему,— заметил он немного погодя,— мы можем сказать «АГА», даже если мы не украдём Крошку Ру.

— Пух,— сказал Кролик покровительственным тоном,— действительно у тебя в голове одни опилки!

— Я знаю,— скромно сказал Пух.

— Мы скажем «АГА» так, чтобы Кенга поняла, что мы знаем, где Крошка Ру. Такое «АГА» означает: «Мы тебе скажем, где Крошка Ру, если ты обещаешь уйти из нашего Леса и никогда не возвращаться». А теперь помолчите — я буду думать!

Пух ушёл в уголок и стал учиться говорить такое «АГА». Иногда ему казалось, что у него получается такое «АГА», о каком говорил Кролик, а иногда казалось, что нет.

«Наверно, всё дело в упражнении,— думал он.— Интересно, понадобится ли Кенге тоже столько упражняться, чтобы нас понять?»

— Я вот что хотел спросить,— сказал Пятачок, немного помявшись,— я говорил с Кристофером Робинем, и он мне сказал, что Кенга, вообще говоря, считается Одним из Самых Свирепых Зверей. Я вообще-то не боюсь простых свирепых зверей, но всем известно, что если Один Самый Свирепый Зверь лишится своего детёныша, он становится таким свирепым, как Два Самых Свирепых Зверя. А уж тогда, пожалуй, говорить «АГА» довольно глупо.

— Пятачок,— сказал Кролик, достав карандаш и облизав его кончик,— ты ужасный трусишка.

Пятачок слегка хлопнул носом.

— Трудно быть храбрым,— сказал он,— когда ты всего лишь Очень Маленькое Существо.

Кролик, который тем временем начал что-то писать, на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленькое Существо, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришёл в такой восторг при мысли о том, что он будет *полезным*, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенги

бывают свирепыми только в зимние месяцы, а всё остальное время они в добродушном настроении, Пятачок едва мог усидеть на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я? — грустно сказал Пух.— Значит, я не буду полезным?

— Не огорчайся, Пух,— поспешил утешить его великодушный Пятачок.— Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни-Пуха,— торжественно произнёс Кролик, начиная чинить карандаш,— всё предприятие будет невозможным.

— О-о! — сказал Пятачок, стараясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно удалился в угол. Но про себя он гордо сказал: «Без меня всё невозможно! Ай да медведь!»

— Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончив писать.

Пух и Пятачок сели и приготовились слушать — они даже раскрыли рты.

Вот что прочёл Кролик:

ПЛАН ПОХИЩЕНИЯ КРОШКИ РУ

1. Во-первых. Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня.

2. Ещё во-первых. Кенга никогда не сводит глаз с Крошки Ру, если он не застѣгнут у неё в кармашке на все пуговицы.

3. Значит, если мы хотим похитить Крошку Ру, нам надо выиграть время, потому что Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня (см. пункт 1).

4. Идея. Если Ру выскочит из кармашка Кенги, а Пятачок туда вскочит, Кенга не заметит разницы, потому что Пятачок — Очень Маленькое Существо.

5. Как и Крошка Ру.

6. Но Кенга должна обязательно смотреть в другую сторону, чтобы не заметить, как Пятачок вскакивает в карман.

7. Смотри пункт 2.

8. Ещё одна идея. Вот если Пух будет говорить с ней очень вдохновенно, она может на минутку отвернуться.

9. И тогда я могу убежать с Крошкой Ру.

10. Очень быстро.

11. И Кенга сначала ничего не заметит, а заметит всё только потом.

Ну, Кролик с гордостью прочитал всё это вслух, и после этого некоторое время никто ничего не говорил. Наконец Пятачок, который всё время то открывал, то закрывал рот, не издавая при этом ни звука, сумел выговорить очень хриплым голосом:

— А потом?

— Что ты хочешь сказать?

— Когда Кенга заметит, что это не Ру?

— Тогда мы все скажем «АГА».

— Все трое?

— Да.

— Правда?

— Да что тебя беспокоит, Пятачок?

— Ничего,— сказал Пятачок.— Если мы все трое скажем «АГА», тогда всё в порядке. Если мы все трое скажем «АГА»,— сказал Пятачок,— я не возражаю, но я бы не хотел говорить «АГА» сам, один. А то оно, это «АГА», очень плохо получится... Кстати,— продолжал он,— ты вполне уверен в том, что ты говорил насчёт зимних месяцев?

— Насчёт зимних месяцев?

— Ну, насчёт свирепости только в зимние месяцы.

— А-а. Да, да, всё правильно. Ну, Пух, ты понял, что ты должен делать?

— Нет,— сказал медвежонок Пух.— Не совсем. А что я должен делать?

— Ну, всё время говорить и говорить с Кенгой, чтобы она ничего не замечала.

— Ох! А о чём?

— О чём хочешь.

— А может быть, почитать ей стихи или что-нибудь в этом роде?

— Вот именно,— сказал Кролик.— Блестяще. А теперь пошли.

И все они отправились искать Кенгу.

Кенга и Ру мирно проводили послеобеденное время у большой ямы с песком. Крошка Ру упражнялся в прыжках в высоту и в длину и даже в глубину — учился падать в мышинные норы и вылезать из них, а Кенга волновалась и поминутно приговаривала: «Ну, дорогой мой, ещё один раз прыгни, и домой». И в этот момент на холме появился не кто иной, как Пух.

— Добрый день, Кенга,— сказал он.

— Добрый день, Пух.

— Смотри, как я прыгаю! — пропищал Крошка Ру и упал в очередную мышиную нору.

— Привет, Ру, малыш!

— Мы как раз собираемся домой...— сказала Кенга.— Добрый день, Кролик. Добрый день, Пятачок.

Кролик и Пятачок, которые тем временем показались с другой стороны холма, тоже сказали «добрый день» и «привет, Ру», а Крошка Ру пригласил их посмотреть, как он прыгает...

Они стояли и смотрели. И Кенга смотрела — смотрела во все глаза...

— Послушай, Кенга,— сказал Пух после того,

как Кролик подмигнул ему второй раз,— интересно, ты любишь стихи?

— Не особенно,— сказала Кенга.

— А-а,— сказал Пух.

— Ру, дорогой мой, ещё разок прыгни, и нам пора домой!

Наступило недолгое молчание. Крошка Ру свалился в очередную мышиную нору.

— Ну, давай, давай! — громко прошипел Кролик, прикрывая рот лапкой.

— Кстати, о стихах,— продолжал Пух.— Я как раз сочинил небольшой стишок по дороге. Примерно такой. М-м-м... Минуточку...

— Очень интересно,— сказала Кенга.— А теперь, маленький мой Ру...

— Тебе понравится этот стишок,— сказал Кролик.

- Ты его полюбишь,— пропищал Пятачок.
- Только слушай очень-очень внимательно,— сказал Кролик.
- Ничего не пропусти смотри,— пискнул Пятачок.
- Да, да,— сказала Кенга. Но, увы, она не сводила глаз с Крошки Ру.
- Так как там говорится, Пух? — спросил Кролик. Пух слегка откашлялся и начал:

СТРОКИ, СОЧИНЁННЫЕ МЕДВЕДЕМ
С ОПИЛКАМИ В ГОЛОВЕ

*На днях, не знаю сам зачем,
Зашёл я в незнакомый дом,
Мне захотелось Кое с Кем
Потолковать о Том о Сём.*

*Я рассказал им, Кто, Когда,
И Почему, и Отчего,
Сказал, Откуда, и Куда,
И Как, и Где, и Для Чего;*

*Что было Раньше, что Потом,
И Кто Кого, и Что к Чему,
И что подумали о Том,
И Если Нет, То Почему?*

*Когда мне не хватало слов,
Я добавлял то «Ах», то «Эх»,
И «Так сказать», и «Будь здоров»,
И «Ну и ну!», и «Просто смех!».*

*Когда ж закончил я рассказ,
То Кое-Кто спросил: — И всё?
Ты говорил тут целый час,
А рассказал ни то ни сё!..
Тогда...*

- Очень, очень мило,— сказала Кенга, не ожидая рассказа о том, что произошло *тогда*.— Ну, самый, самый последний разок прыгни, Ру, дорогой мой, и марш домой!

Кролик подтолкнул Пуха локтем в бок.

- Кстати, о стихах,— поспешно сказал Пух.— Ты когда-нибудь обращала внимание на вон то дерево, во-он там?

— Где?..— сказала Кенга.— Ну, дорогой мальш...

— Во-он там, впереди,— сказал Пух, показывая за спину Кенги.

— Нет!..— сказала Кенга.— Ну, Ру, дорогой мой, прыгай в карман, и пошли домой!

— Нет, ты обязательно посмотри на вон то дерево, во-он там,— сказал Кролик.— Ру, хочешь, я тебя подниму? — И он взял Крошку Ру в лапы.

— А на вон том дереве птичка сидит,— сказал Пух.— А может, это и рыбка.

— Конечно, там птичка сидит,— сказал Кролик,— если только это не рыбка.

— Это не рыбка, это птичка,— пискнул Пятачок.

— Так оно и есть,— сказал Кролик.

— Интересно, это скворушка или дрозд? — сказал Пух.

— В этом весь вопрос,— сказал Кролик.— Дрозд это или скворушка?

И тут наконец Кенга повернулась и посмотрела на вон то дерево.

И в тот момент, когда она отвернулась, Кролик громким голосом сказал:

— Ру, на место!

И на место — в карман Кенги — вскочил Пятачок, а Кролик крепко обхватил Ру и помчался прочь что было духу.

— Куда это Кролик девался?..— спросила Кенга,

снова повернув голову.— Ну как, дорогой малыш, всё в порядке?

Пятачок со дна кармана Кенги что-то пискнул — точь-в-точь как Ру.

— Кролику пришлось уйти,— сказал Пух,— он, наверно, вспомнил о каком-то важном деле. Вдруг.

— А Пятачок?

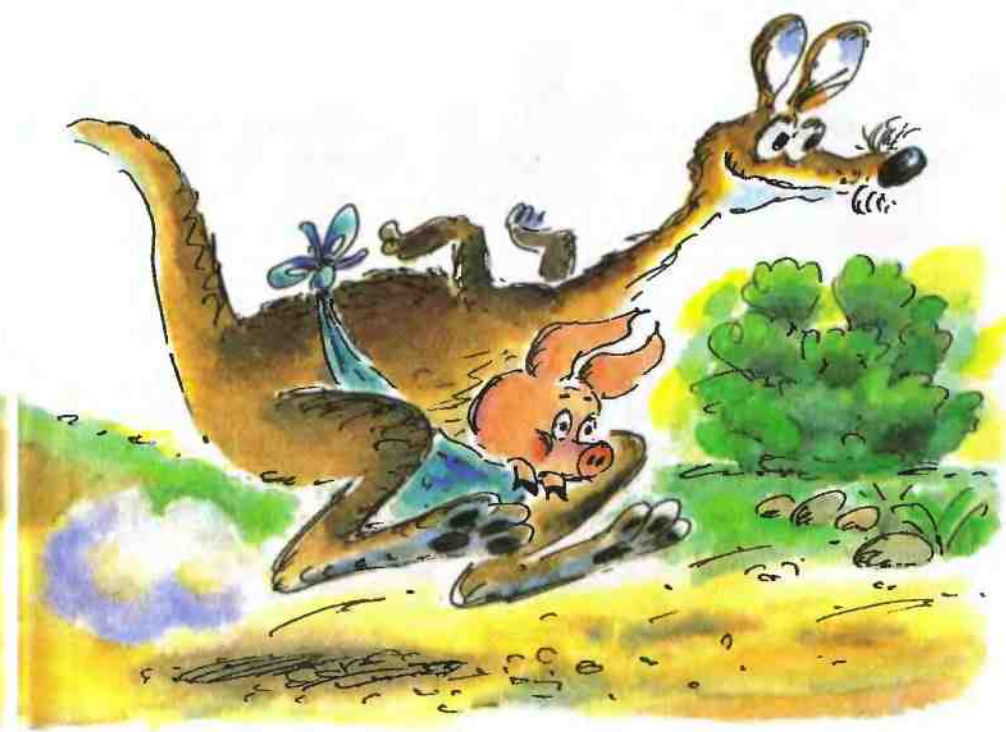
— Наверно, Пятачок тоже о чём-нибудь вспомнил. Вдруг.

— Ну ладно, мы пошли домой,— сказала Кенга.— Всего доброго, Пух!

Три огромных скачка — и она исчезла из виду. Пух посмотрел ей вслед.

«Хотел бы я так прыгать! — подумал он.— Почему это одни умеют, а другие нет? Очень, очень обидно!»

Кенга, спору нет, отлично умела прыгать, но

Пятачку минутами, по правде говоря, хотелось, чтобы Кенга не умела. Бывало, возвращаясь домой из дальней прогулки по Лесу, Пятачок мечтал стать птичкой и уметь летать, но теперь, когда он болтался на дне кармана Кенги, в голове у него прыгали такие мысли:

летать,
называется то я на это
это никогда
«Если не соглашусь!»

— Уууууу! — говорил он, взмывая в воздух, а спускаясь вниз, он говорил: — Ух!..

И ему пришлось повторять «Уууууу-ух!», «Уууууу-ух!» всю дорогу — до самого дома Кенги.

Конечно, дома, как только Кенга расстегнула

свой карман, она заметила, что произошло. В первую секунду она чуть было не испугалась, но сразу поняла, что пугаться нечего — ведь она была вполне уверена, что Кристофер Робин никому не позволит обидеть Крошку Ру.

«Хорошо,— сказала она про себя,— раз они решили разыграть меня, я сама их разыграю».

— Ну, Ру, дорогой мой,— сказала она, вытащив поросёнка из кармана,— пора укладываться спать.

— Ага! — сказал Пятачок, стараясь произнести это слово как можно лучше. Но, увы, после такого ужасного путешествия «ага» получилось не очень хорошее, и Кенга, по-видимому, не поняла, что оно означает.

— Сперва купаться,— весело сказала Кенга.

— Ага! — повторил Пятачок, тревожно оглядываясь в поисках остальных.

Но остальных не было. Кролик сидел дома и играл с Крошкой Ру, чувствуя, что с каждой минутой всё больше и больше его любит, а Пух, который решил попробовать стать Кенгой, всё ещё учился прыгать в той же ямке с песком.

— Не знаю,— сказала Кенга очень задумчивым голосом,— может быть, тебе лучше сегодня принять холодную ванну? Как ты думаешь, Ру, милый?

Пятачок, который никогда особенно не любил купаться, задрожал от возмущения и сказал самым мужественным голосом, каким только мог:

— Кенга! Я вижу, что пришло время поговорить начистоту.

— До чего ты смешной глупыш, Ру,— сказала Кенга, наливая воду в ванну.

— Я не Ру,— громко сказал Пятачок.— Я Пятачок!

— Да, милый, да,— сказала Кенга ласково.— Никто с тобой не спорит!.. И голосу Пятачка раздражает, какой умница! — пробормотала она, доставая

с полки большой кусок жёлтого мыла.— Ну, что ты у меня ещё придумаешь?

— Ты что, не видишь? — закричал Пятачок.— Глаз у тебя, что ли, нет? Погляди на меня!

— Я-то гляжу, маленький мой Ру,— сказала Кенга довольно строго.— А вот ты помнишь, что я тебе вчера говорила про гримасы? Если ты будешь строить такие гримасы, как Пятачок, то, когда вырастешь, станешь похож на Пятачка, и ты тогда об этом очень-очень пожалеешь. А теперь — марш в ванну и не заставляй меня повторять это ещё раз!

И, не успев опомниться, Пятачок оказался в ванне, и Кенга принялась изо всех сил тереть его большой лохматой мочалкой.

— Ой! — пищал Пятачок.— Отпусти меня! Я же Пятачок!

— Не открывай рот, дорогой, а то в него попадёт мыло,— сказала Кенга.— Ну вот! Что я тебе говорила?

— Ты-ты-ты, ты это нарочно сделала,— булькнул было Пятачок, как только смог снова заговорить...

Но тут во рту у него оказалась мочалка.

— Вот так хорошо, милый, помалкивай,— сказала Кенга.

В следующее мгновение Пятачок был извлечён из ванны и крепко-накрепко вытерт мохнатым полотенцем.

— Ну,— сказала Кенга,— а теперь прими лекарство — и в постель.

— К-к-какое ле-ле-лекарство? — пролепетал Пятачок.

— Рыбий жир, чтобы ты вырос большим и сильным, милый. Ты же не хочешь быть таким маленьким и слабеньким, как Пятачок, правда? Ну, так вот.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите,— сказала Кенга.

И вошёл Кристофер Робин.

— Кристофер Робин, Кристофер Робин! — рыдал Пятачок.— Скажи Кенге, кто я. Она всё время говорит, что я Ру! А ведь я не Ру, правда?

Кристофер Робин осмотрел его очень тщательно и покачал головой.

— Конечно, ты не Ру,— сказал он,— потому что я только что видел Ру в гостях у Кролика. Они там играют.

— Ну и ну! — сказала Кенга.— Подумать только! Как это я могла так обознаться!

— Ага, ага! Вот видишь! — сказал Пятачок.— Что я тебе говорил? Я Пятачок!

Кристофер Робин снова покачал головой.

— Нет, ты не Пятачок,— сказал он.— Я хоро-

шо знаю Пятачка, и он совершенно другого цвета.

«Это потому, что я только сию минуту принял ванну»,— хотел сказать Пятачок, но успел сообразить, что, пожалуй, говорить этого не стоит. Едва он открыл рот, собираясь сказать что-то совсем другое, Кенга живо всунула ему в рот ложку с лекарством и похлопала его по спине и сказала ему, что рыбий жир очень, очень вкусный, когда к нему как следует привыкнешь.

— Я знала, что это не Пятачок,— сказала Кенга потом.— Интересно, кто это всё же может быть?

— Может быть, какой-нибудь родственник Пуха? — сказал Кристофер Робин.— Скажем, племянник, или дядя, или что-нибудь в этом духе?

— Вероятно, вероятно,— согласилась Кенга.— Только нам надо придумать ему какое-нибудь имя.

— Можно звать его Пушель,— сказал Кристофер Робин.— Например, Генри Пушель. Сокращённо.

Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин оставил дверь открытой.

Никогда в жизни Генри Пушель — Пятачок не бегал так быстро, как сейчас! Он нёсся, не останавливаясь ни на секунду. Лишь в сотне шагов от дома он прекратил бег и покатился по земле, чтобы вновь обрести свой собственный — милый, уютный и привычный — цвет...

Так Кенга и Крошка Ру остались в Лесу. И каждый вторник Крошка Ру отправлялся на целый день в гости к своему новому другу — Кролику, а Кенга проводила весь день со своим новым другом — Пухом, обучая его прыгать, а Пятачок в эти дни гостил у своего старого друга Кристофера Робина.

И всем было ужасно весело!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Кристофер Робин организует «исспедицию» к Северному Полюсу

Винни-Пух брёл по Лесу, собираясь повидать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позабыл ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный — немножко мармеладу, намазанного на соты с мёдом) Пуху пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

Придумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два или три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше,— подумал он,— спеть «Хорошо быть медведем, ого!». И он спел «ого». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно,— сказал он,— тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до третьей и четвёртой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

*Хорошо быть медведем, ура!
Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...
(нет, победу!)
Победу я жару и мороз,
Лишь бы мёдом был вымазан нос!*

*Победу...
(нет, побежду!)
Побежду я любую беду,
Лишь бы были все лапки в меду!..
Ура, Винни-Пух!
Ура, Винни-Пух!
Час-другой пролетит, словно птица,
И настанет пора подкрепиться!*

Ему почему-то так понравилась эта песня (Шумелка), что он распевал её всю дорогу, шагая по лесу. «Но если я буду петь её дальше,— вдруг подумал он,— как раз придёт время чем-нибудь подкрепиться, и последняя строчка будет неправильная». Поэтому он замурлыкал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у порога, натягивая свои Походные Сапоги. Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и, смахнув лапкой остатки мёда с мордочки, подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никак не натяну этот Сапог.

— Это плохо,— сказал Пух.

— Ты, пожалуйста, упрись мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полечу вверх тормашками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, упёрся лапками в землю, а спиной изо всех сил упёрся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил упёрся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Сапог, пока он наконец не наделся.

— Ну, вот так,— сказал Пух.— Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в экспедицию. Все,—

сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь.— Спасибо, Пух.

— Отправляемся в экспедицию? — с интересом спросил Пух.— Никогда ни одной не видел. А где она, эта экспедиция?

— Экспедиция, глупенький мой мишка. Не «ск», а «кс».

— А-а,— сказал Винни-Пух.— Понятно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны отыскать и открыть Северный Полус.

— А-а! — снова сказал Пух.— А что такое Северный Полус? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают,— небрежно сказал Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно,— сказал Пух.— А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуськом... Ты бы лучше сказал всем остальным, чтобы они собрались, пока я почищу ружьё. И ещё надо не забыть провизию.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едят.

— А-а! — сказал Пух радостно.— А мне показалось, ты говорил про какую-то визию. Тогда я пойду и скажу им всем.

И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик,— сказал Пух.— Это ты?

— Давай играть, как будто это не я,— сказал Кролик.— Посмотрим, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе поручение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в экспедицию с Кристофером Робинем.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда,— сказал Пух.— Мы должны, главное, не забыть про... Словом, про то, что едят. А то вдруг нам есть захочется. Я теперь пойду к Пятачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побежал к дому Пятачка. Пятачок сидел на земле и гадал на ромашке, выясняя — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Пятачок! — взволнованно сказал Пух.— Мы все отправляемся в *искпедицию*. *Все, все!* И берём про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Пятачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчёт злости. Он сказал только, что в нём есть «кс».

— «Кысы» я не боюсь,— серьёзно сказал Пятачок.— Я боюсь только волков, но если с нами пойдёт Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Спустя немного времени все были в сборе, и экспедиция началась.

Первыми шли Кристофер Робин и Кролик, за ним Пятачок и Пух, далее Кенга с Крошкой Ру и Сова, ещё дальше — Иа, а в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал,— небрежно объяснил Кролик,— они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать,— сказал Иа,— что это действует на нервы. Я вообще не собирался идти в эту ископе... или как там Пух выразился. Я пришёл только из чувства долга. Тем не менее я здесь,

и если я должен идти в конце ископе — вы понимаете, о чём я говорю,— то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне захочется посидеть и отдохнуть, мне придётся сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не ископе — или как её там называют,— а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду,— сказала Сова.— Если вы спросите меня...

— Я никого не спрашиваю,— сказал Иа.— Я, наоборот, всем объясняю. Можете искать Северный Полюс, а можете играть в «Сиди, сиди, Яша» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в голове колонны послышался крик.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Кристофер Робин.

— Вперёд! — кричали Пух и Пятачок.

— Вперёд! — кричала Сова.

— Тронулись! — сказал Кролик.— Я должен бежать.— И он помчался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно,— сказал Иа.— Явно тронулись. Но я тут ни при чём.

Так они выступили в поход к Полюсу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который сочинял песню.

— Вот и первая строфа,— сказал он Пятачку, когда она была наконец готова.

— Первая строфа чего?

— Моей песни.

— Какой песни?

— Этой самой.

— Какой?

— Если ты слушаешь, то всё узнаешь.

— А откуда ты знаешь, что я не слушаю?

На это Пух не нашёл, что ответить, и поэтому начал петь:

*Все вышли в ИСКПЕДИЦИЮ
(Считая и меня).*

*Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его родня!*

*Вся наша ИСКПЕДИЦИЯ
Весь день бродила по лесу,
Искала ИСКПЕДИЦИЯ
Везде дорогу к Полюсу,*

*И каждый в ИСКПЕДИЦИИ
Ужасно был бы рад
Узнать, что значит Полюс
И с чем его едят!*

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху.— Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поросёнку.

— Тсс! — сказал Пятачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сове, а Крошка Ру несколько раз сказал «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цыц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он отправился домой.

Его звали Сашка Букашка.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменных берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засад.

— Какой сад? — шепнул Винни-Пух Пятачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — неужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Пятачок, строго посмотрев на неё, — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно не обязательно было тебе...

— Засада, — сказала Сова, — это вроде сюрприза.

— Малина иногда тоже, — сказал Пух.

— Засада, как я собирался объяснить Винни-Пуху, — сказал Пятачок, — это вроде сюрприза.

— Если на тебя внезапно наскочат, это называется засадой, — сказала Сова.

— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат, — объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куст малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

— Никто не говорил о малине, — довольно сердито сказала Сова.

— А я говорил, — сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зелёной травой,

на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин скомандовал: «Стой!» — и все усадились отдыхать.

— По-моему,— сказал Кристофер Робин,— мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть всё наше что? — сказал Пух.

— Всё, что мы принесли,— сказал Пятачок и приступил к делу.

— Это хорошая мысль,— сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня,— сказал Иа.— Как обычно! — Он грустно оглянулся.— Интересно, никто из вас не сидит, случайно, на чертополохе?

— Кажется, я сижу,— сказал Пух.— Ой! — Он вскочил и оглянулся.— Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если он тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешёл на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нём сидят,— заговорил Иа, на минуту оторвавшись от еды.— Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешает проявить внимание к товарищу. Надо иногда подумать и о других, я хочу сказать!

Как только Кристофер Робин покончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторонку.

— Мне не хотелось говорить при всех,— начал Кристофер Робин.

— Понятно,— сказал Кролик, надувшись от гордости.

— Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя этот *Северный Полюс?*

— Ну,— сказал Кролик, встопорщив усы,— надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл,— небрежно сказал Кристофер Робин.

— Странное совпадение,— сказал Кролик,— я тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткнута в землю. Правда?

— Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же её некуда воткнуть, да к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом,— сказал Кролик.— Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем! — сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно посапывал; Ру мыл мордочку и лапки в речке возле запруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «рододендрон», хотя Кенга и не думала её слушать.

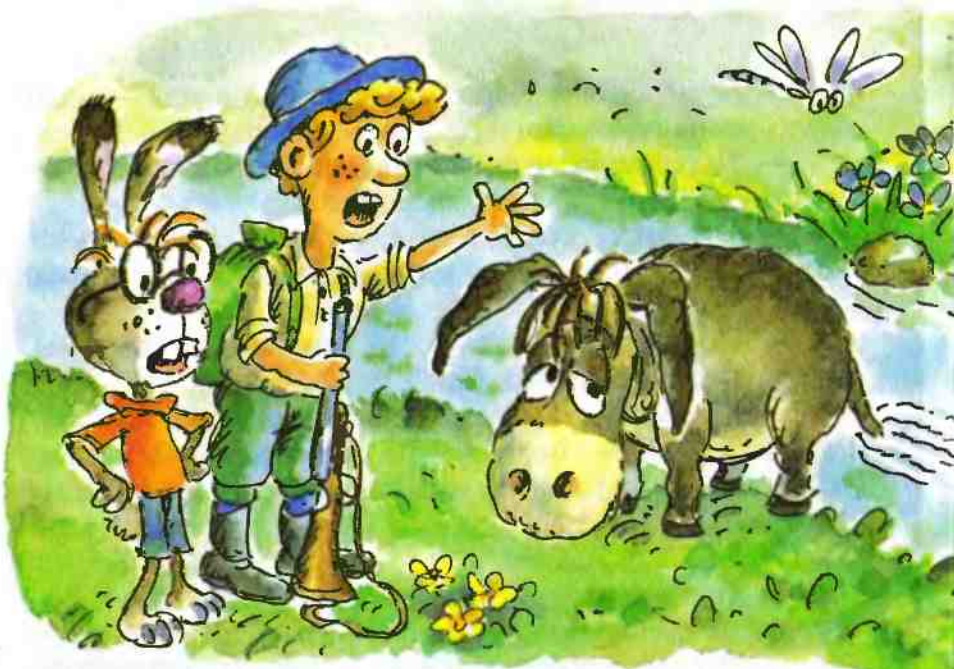
— Не одобряю я этих разных умываний,— ворчал Иа.— В особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну,— сказал Пух,— я считаю...

Но мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и громкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду! — закричал Кролик

— Доумывался! — сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.
— Смотрите, как я плаваю! — пропищал Ру.
Он был уже на середине речки, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру. — Смотри, как я пла...
Буль, буль! — И он вынырнул уже у следующей запруды.

Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшийся, прыгал на месте и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга огромными скачками носилась по берегу, не забывая спрашивать: «Ру, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле запруды — той самой, где Ру упал, — и опустил в воду хвост. Повернувшись

спиной ко всему происходящему, он приговаривал: «Всё из-за этого мытья, но ты только держись за мой хвост, Ру, и всё будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперёд, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идём к тебе! — кричал Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное. Он подхватил длинную палку и перебросил её на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — ухватился за неё и выкарабкался на берег.

— Вы видели, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делал? Я плавал! Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашёл эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую всё ещё продолжал держать.

— Ну, просто нашёл, — сказал он. — Разве это ось? Я думал, это просто палка и она может пригодиться. Она там торчала в земле, а я её поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полус.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулись на лужайку, Иа всё ещё продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторопился, — сказал он. — Мой хвост озяб. Я не жалуюсь, я просто констатирую факт. Мой хвост замёрз.

— Вот я! — пропищал Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа вытащил хвост из воды и помахал им.

— Я так и думал, — сказал он. — Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дошло. Он окоченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик! Я его сейчас вытру, — сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чём их беда. У них нет воображения. Для них хвост — это не хвост, а просто добавочная порция спины.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растирая хвост изо всех сил. — Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет, Иа! — сказал Пух, подойдя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чём мы говорили.

— А я ни о чём не говорил, — сказал Пух, недоумевая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал,

как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет,— сказал Пух чистосердечно.— Это был не я.— Он подумал немножко и, желая помочь выяснить вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-то другой.

— Ну что ж, тогда поблагодари его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущённо посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух нашёл Северный Полюс,— сказал Кристофер Робин.— Здорово, правда? Вот Земная Ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да,— сказал Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да,— сказал Пух.

— Гм,— сказал Иа-Иа.— Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было,— добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС.

ОТКРЫТ ПУХОМ.

ПУХ ЕГО НАШЁЛ

Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Пятачок совершенно окружён водой

Дождик лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь — а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он ещё не видел столько дождя сразу. А дождь лил, лил и лил. С утра до вечера. День за днём.

«Вот если бы,— думал Пятачок, выглядывая из окна,— я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождь начался, мне было бы всё время весело. А то сиди тут один-одинёшенек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видел когда-нибудь такой дождь?» — а Пух отвечает: «Ну, прямо ужасно!», или он, Пятачок, в свою очередь говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще какой толк в таких потрясающих вещах, как потопаы и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?

А было, спору нет, потрясающе интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями; ручейки, по которым он, бывало, шлёпал, подвернув штанишки, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья часто играли, вылезла из своего ложа (так называется речкина постель) и разлилась так широко, что

Пятачок начал беспокоиться, не заберётся ли она скоро в его собственное ложе (то есть в его постель).

«Да, немного страшновато,— сказал он сам себе,— быть Очень Маленьким Существом, совершенно окружённым водой! Кристофер Робин и Пух могут спастись, забравшись на дерево, Кенга может ускакать и тоже спастись, Кролик может спастись, зарывшись в землю, Сова может улететь, а Иа может спастись — ммм... если будет громко кричать, пока его не спасут.

А вот я сижу тут, весь окружённый водой, и совсем-совсем *ничего* не могу сделать!»

Дождь всё лил, и с каждым днём вода подымалась немножко выше, и вот она подошла уже к самому окошку, а Пятачок всё ещё ничего не сделал.

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин,— историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил её в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит её в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придёт и спасёт его!

Он обыскал весь свой дом, вернее, всё, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашёл сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки:

ПОМОГИТЕ! ПЯТАЧКУ (ЭТО Я),

а на обороте:

**ЭТО Я, ПЯТАЧОК,
СПАСИТЕ, ПОМОГИТЕ!**

Потом он положил бумагу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка — но так, чтобы не выпасть,— и изо всех сил бросил бутылку.

— Плюх! — сказала бутылка и закачалась на волнах. Пятачок следил, как она медленно уплывает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто рябь на воде, и наконец он понял, что больше он её никогда не увидит и что он сделал всё, что мог, для своего спасения.

«И, значит, теперь,— думал он,— кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придётся плавать, а ведь я не умею». Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

— Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоём намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь лил, лил и лил, а он спал, спал и спал. Накануне он очень устал.

Как вы помните, он открыл Северный Полюс, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли ещё Полюсов, которые Медведь с опилками в голове мог бы открыть.

«Есть ещё Южный Полюс,— сказал Кристофер Робин,— и, по-моему, где-то есть Восточный Полюс и Западный Полюс, хотя люди почему-то не любят говорить о них».

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полюсу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полюс сам. Открыл он его или нет, я забыл, но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, спустя каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, спал и спал.

И вдруг он увидел сон. Он, Пух, был на Восточном Полюсе, и это оказался очень холодный Полюс, весь покрытый самыми холодными сортами снега

и льда. Пух разыскал пчелиный улей и улёгся там спать, но в улье не хватало места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возмись, пришли Дикие Буки, обитающие на Восточном Полюсе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнёзда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил, что сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлёпал к двери и выглянул наружу...

— Положение серьёзное,— сказал Пух,— надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с мёдом и спасся с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчавшую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и спасся с другим горшком.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло десять горшков с мёдом...

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло четыре горшка с мёдом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с мёдом.

На четвёртый день на ветке сидел Пух одинёшенек.

И в это самое утро бутылка Пятачка проплывала мимо Пуха.

И тут с громким криком «Мёд! Мёд!» Пух кинулся в воду, схватил бутылку и, по шейку в воде, храбро вернулся к дереву и влез на ветку.

— Жаль, жаль,— сказал Пух, открыв бутылку,— столько мокнуть, и совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на неё.

— Это Спасание,— сказал он,— вот что это

такое. А вот это буква «Пы», да-да-да, да-да-да, а «Пы», наверно, значит «Пух», и, значит, это очень важное Спаслание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Пятачка — словом, какого-нибудь читателя, который умеет читать все слова, и они мне скажут, что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

«Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывёт, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок».

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

— У каждого корабля должно быть своё название,— сказал он,— значит, я назову свой — «Плавучий Медведь».

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслед.

Некоторое время Пух и «Плавучий Медведь» не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце концов они договорились. «Плавучий Медведь» оказался внизу, а на нём — Пух, отчаянно болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь лил, лил и лил, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти всё время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему приходилось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась всё короче и короче.

Наутро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает её друг Кристофер Робин.

— Слушай, Сова,— сказал Кристофер Робин,— до чего здорово! Я живу на острове!

— Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными,— сказала Сова.

— Что, что?

— Дождик был,— пояснила Сова.

— Да,— сказал Кристофер Робин,— был.

— Уровень паводка достиг небывалой высоты.

— Кто?

— Я говорю,— воды кругом много,— пояснила Сова.

— Да,— согласился Кристофер Робин,— очень много.

— Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

— Ты видела Пуха?

— Нет, прогноз...

— Я надеюсь, он жив и здоров,— сказал Кристофер Робин.— Я немного беспокоюсь о нём. Интересно, Пятачок с ним или нет? Ты думаешь, у них всё в порядке, Сова?

— Я полагаю, что всё в порядке. Ты понимаешь, прогноз...

— Знаешь что, Сова, погляди, как они там, потому что ведь у Пуха опилки в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю, Сова. Понимаешь, Сова?

— Очень хорошо,— сказала Сова,— я отправляюсь. Вернусь немедленно.— И она улетела.

Вскоре она вернулась.

— Пуха там нет,— сказала она.

— Нет?

— Он был там. Он сидел на ветке с десятью горшками мёда, но теперь его там нет.

— Пух, дорогой,— крикнул Кристофер Робин,— где ты?

— Вот где я,— ответил сзади ворчливый голосок.

— Пух!!

Они кинулись обниматься.

— Как ты сюда попал, Пух? — спросил Кристофер Робин, когда смог снова заговорить.

— На корабле! — сказал Пух гордо.— Я получил очень важное Спасание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привёз его тебе на своём корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

— Это же от Пятачка! — закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

— А про Пуха там ничего нет? — спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину через плечо.

Кристофер Робин прочёл послание вслух.

— Ах, так все эти «Пы» были Пятачки? А я думал, это были Пухи.

— Надо его немедленно спасать! Я-то думал, что он с тобой, Пух. Сова, ты можешь его спасти на спине?

— Не думаю,— отвечала Сова после длительного размышления.— Сомнительно, чтобы спинная мускулатура была в состоянии...

— Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пухом подумаем, как его спасти, и придём, как только сможем. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, всё ещё повторяя про себя всё, что она хотела, но не успела высказать, Сова улетела.

— Ну вот, Пух,— сказал Кристофер Робин,— где твой корабль?

— Надо сказать,— объяснил Пух Кристоферу Робину по дороге к берегу,— что это не совсем

обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это вроде несчастного случая, смотря по тому...

— Смотри по чему?

— Ну, по тому — наверху я или внизу. На нём или под ним.

— Ну, а где он?

— Вот,— сказал Пух гордо и указал на «Плавающего Медведя».

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он глядел на «Плавающего Медведя», тем больше он думал о том, какой же храбрый и умный медведь Винни-Пух, но чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скромнее глядел Пух в землю, стараясь сделать вид, что это не он.

— Но только он слишком маленький для нас обоих,— сказал Кристофер Робин грустно.

— Для нас троих, считая Пятачка.

— Ну, значит, он ещё меньше. Винни-Пух, что же нам делать?

И тут медвежонок, Винни-Пух, Д. П. (Друг Пятачка), П. К. (Приятель Кролика), О. П. (Открыватель Полюса), У. И. и Н. Х. (Утешитель Иа-Иа и Находитель Хвоста),— одним словом, наш Винни-Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая — неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

— Мы поплывём в твоём зонтике,— сказал Пух.

— ??

— Мы поплывём в твоём зонтике,— сказал Пух.

— ???

— Мы поплывём в твоём зонтике,— сказал Пух.

— !!!

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но закачался. Пух влез в него.

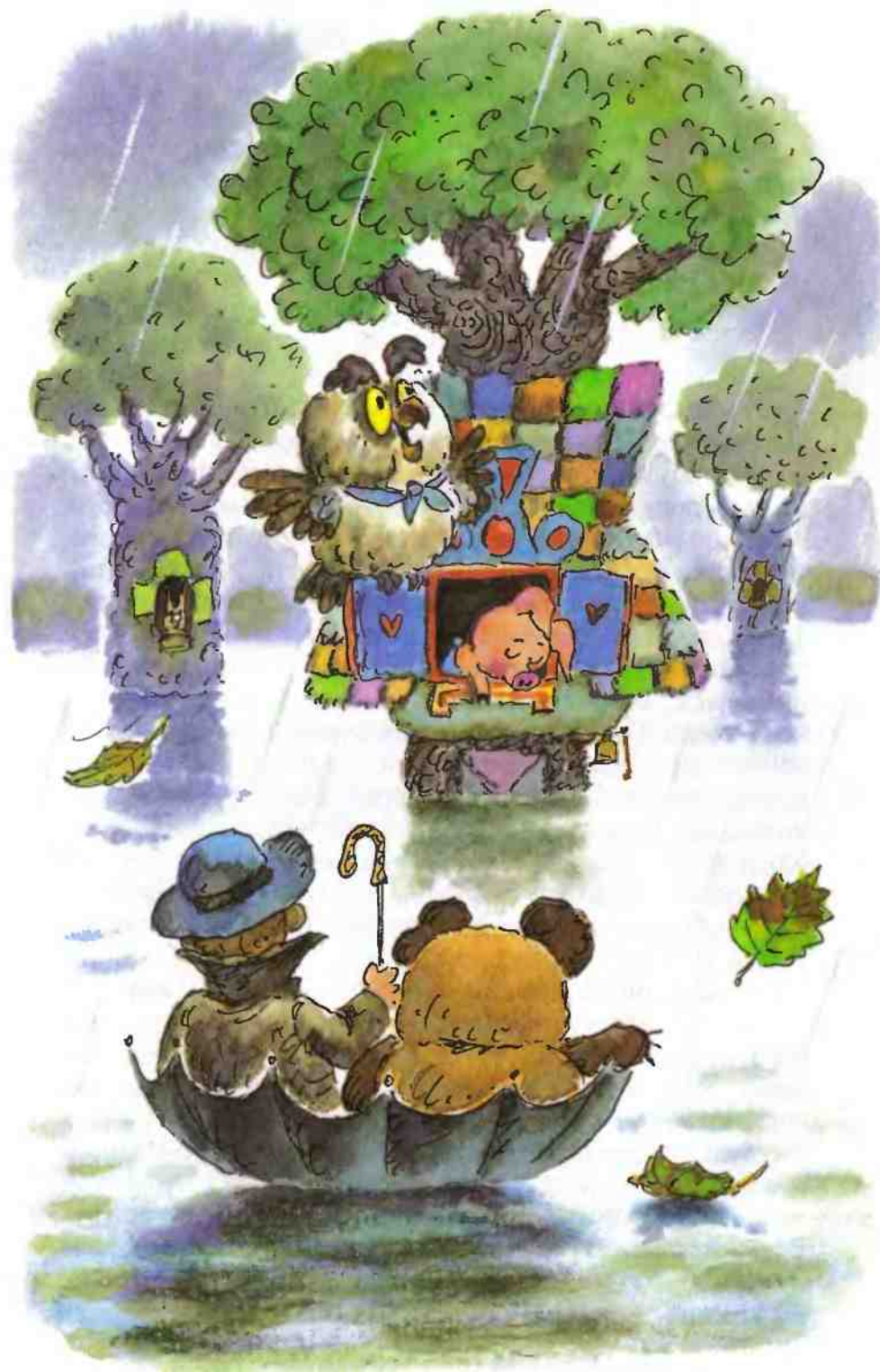
И он было уже хотел сказать, что всё в порядке, когда обнаружил, что не всё, и, после непродолжительного купания, он вброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

— Мы назовём это судно «Мудрость Пуха», — сказал Кристофер Робин.

И «Мудрость Пуха» на всех парусах поплыла в юго-восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как обрадовался Пятачок, когда наконец увидел Корабль! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного потопа, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Сова уселась на ветку и, чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длиннейшую историю про свою Тётку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тянулась и тянулась (совсем как эта фраза), пока Пятачок, который слушал Сову, высунувшись в окно, потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно, стал помаленьку вываливаться из окна; но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног, Сова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тётки и её крик, когда она (Тётка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: «Ах, как интересно! Да что вы говорите!» — словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный корабль «Мудрость Пуха» (Капитан — К. Робин, 1-й помощник — В.-Пух), который плыл ему на выручку, а К. Робин, и В.-Пух, в свою оче...

Ну, эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал от этой последней фразы, что буду рад поставить точку. А вы?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Кристофер Робин устраивает торжественный Пиргорой и мы говорим Всем-Всем-Всем До Свиданья

В один прекрасный день, когда солнце снова встало над Лесом и в воздухе разлился майский аромат; когда все речонки и ручейки в Лесу звонко журчали, радуясь, что опять стали маленькими и хорошенькими, а вода в тихих, сонных лужицах только грезилась о чудесах, которые ей довелось повидать, и о славных делах, которые она совершила; когда в тёплой лесной тишине Кукушка заботливо пробовала свой голос, и трепетно вслушивалась, стараясь понять — нравится он ей или нет; когда Горлицы кротко жаловались друг другу, лениво повторяя, что ддругой, ддругой виноват, но всё равно, всё равно всё прройдёт — именно в такой день Кристофер Робин свистнул на свой особенный манер и Сова тут же прилетела из Дремучего-Дремучего Леса — узнать, что требуется.

— Сова,— сказал Кристофер Робин,— я собираюсь устроить Пиргорой.

— Да ну! Подумать только,— сказала Сова.

— Да. И не простой Пиргорой, а торжественный, потому что он будет в честь Винни-Пуха,— в честь того, что Пух сделал, когда он сделал то, что сделал, когда спас Пятачка от наводнения.

— Нет, вы представьте себе! Подумать только! — сказала Сова.

— Да. Так что ты, пожалуйста, поскорей скажи Всем-Всем-Всем, потому что Пиргорой будет завтра.

— Нет, вы подумайте! Завтра! Не может быть! — сказала Сова, изо всех сил стараясь поддержать разговор.

— Нет, может,— сказал Кристофер Робин,— так что ты лети скорей, ладно?

Сова попыталась придумать ещё что-нибудь Очень Умное, но у неё не получилось, так что она полетела искать Всех-Всех-Всех. И первым, кого она встретила, был Винни-Пух.

— Пух,— сказала она,— Кристофер Робин устраивает Пиргорой.

— Ох! — сказал Пух. А потом, заметив, что Сова ожидает, что он ещё что-нибудь скажет, добавил: — А там будут такие вроде печенюц с розовой глазурью?

Сова почувствовала, что говорить о таких вроде печенюц с розовой глазурью как-то ниже её достоинства, поэтому она просто слово в слово повторила то, что сказал ей Кристофер Робин, и улетела искать Иа-Иа.

«Пиргорой в мою честь? — подумал Пух.— Вот это да!»

И он стал раздумывать, будут ли Все-Все-Все знать, что это специальный торжественный Пиргорой в честь Пуха, и расскажет ли Кристофер Робин Всем-Всем-Всем про «Плавучего Медведя» и про «Мудрость Пуха» — про те чудесные корабли, которые Пух придумал и спустил на воду, и он задумался о том, как было бы грустно, если бы все об этом забыли и никто бы не знал, в чью честь этот Торжественный Пиргорой; и чем больше он раздумывал, тем больше всё путалось у него в голове, как в беспокойном сне, когда всё вдруг идёт вкривь и вкось и ничто не слушается... И этот сон вдруг начал сам собою шуметь у него прямо в ушах, а сам Пух стал легонечко похрапывать и так получилось что-то вроде шумелки. Это была

БЕСПОКОЙНАЯ ПУХОВА ХРАПЕЛКА:

Ура! Да здоровствует Пух!

(Ух!

А кто это — Пух?)

— Ну, наш Пиргорой!

— КТО, КТО?

— Наш герой!

(Неужто же это наш Винни-Пух?)

— Он самый!

Да разве возможны сомнения?

Он друга спас от беды!

(От беды?)

— Ну, проще тебе сказать — от воды!

Да здоровствует Пух!

Он остался сух

Невзирая на все наводнения!

Он плыл в первый раз,

Но всё-таки спас

(Кого?)

— Его!

(Кого его?)

— Его!

То есть того, кого надо!

За это его

(Кого?)

Его самого!

Пуха, понятно!

Теперь ожидает награда.

Да, Пух — он медведь

с Большуцим Умом!

Да здоровствует Пух!

(Повтори это вслух!)

— С Большуцим Умом!

(С умом — или, может, с животиком?)

С животиком тоже —

Поесть он любил —

Ну и что же?

Но всё же

Плывать он не умел, но всё же поплыл

На таком корабле,

Какой — что скрывать —

Мы не можем назвать

Ни бригом,

ни яхтой,

ни лодкой,

ни плотиком...

Да здоровствует, здоровствует,

здоровствует Пух!

Чей бестрепетный дух...

(Ух!)

Так крикнем все вместе тройное ура!

(Давно пора!)

И дадим ему то, чем его наградим!..

(А может быть, просто ему зададим?)

Да нет же, —

Вручим или, лучше, вручем...

(Кому?!)

— Какой бестолковый!

Конечно, ему —

Кого мы поздравим,

А также прославим:

Да здоровствует

Здоровствует,

Здоровствует Пух!

(Скажите мне только —

А ОН ТУТ ПРИ ЧЁМ?)

В то время, как в душе Пуха творилось всё это, Сова беседовала с Иа.

— Иа-Иа,— сказала Сова,— Кристофер Робин устраивает Пиргорой.

— Очень интересно,— сказал Иа-Иа.— Полагаю, они пришлют мне крошек, упавших со стола.

На которые успели наступить. Ногами. Очень любезно и заботливо с их стороны. Большое спасибо.

— Они прислали тебе приглашение.

— Любопытно. Можно поглядеть?

— Это при-гла-ше-ни-е.

— Да-да, я расслышал. А кто его обронил?

— Это не то, что едят. Это значит, что тебя зовут на Пиргорой. Приглашают. На завтра.

Иа-Иа медленно покачал головой.

— Ты хочешь сказать — Пятачка. Этого малыша с нервными ушками. Это Пятачок. Я ему передам.

— Да нет же, нет,— сказала Сова, всё же не давая сбить себя с толку.— Это ты!

— Ты уверена?

— Совершенно, совершенно уверена! Кристофер Робин сказал: «Пригласи Всех-Всех-Всех!»

— Всех-Всех-Всех, кроме Иа?

— Всех-Всех-Всех,— повторила Сова с досадой.

— Хм,— сказал Иа-Иа.— Несомненно, тут ошибка, но я всё-таки приду. Только не вините меня, если будет дождь.

Но дождя не было. Кристофер Робин устроил из дощечек длинный стол под деревом. На одном Председательском месте — в конце стола — сидел Кристофер Робин, а на другом Председательском месте — в другом конце стола — сидел сам Винни-Пух, а на остальных местах, между ними, расположились Гости — с одной стороны Сова, Иа-Иа и Пятачок, а напротив — Кролик, Крошка Ру и Кенга. А кругом, прямо на траве, разместились Родственники и Знакомые Кролика, всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы нечаянно наступаете, и кончая теми, которые иногда нечаянно залетают вам в глаз), и терпеливо ждали, что кто-нибудь из Гостей заговорит с ними, или что-нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

Крошка Ру попал на Пиргорой впервые в жизни, и он, понятно, был ужасно взволнован. Как только все сели за стол, он заговорил и никак не мог утомониться.

— Привет, Пух! — пискнул он первым делом.

— Привет, Ру! — ответил Пух.

Крошка Ру попрыгал на своём стульчике и снова начал.

— Привет, Пятачок! — пискнул он ещё громче.

Пятачок в ответ только помахал ему лапкой, так как рот у него был слишком занят.

— Привет, Иа-Иа, — сказал Крошка Ру.

Иа-Иа печально посмотрел на него.

— Скоро пойдёт дождь, вот увидишь, — сказал он.

— Привет, Сова!

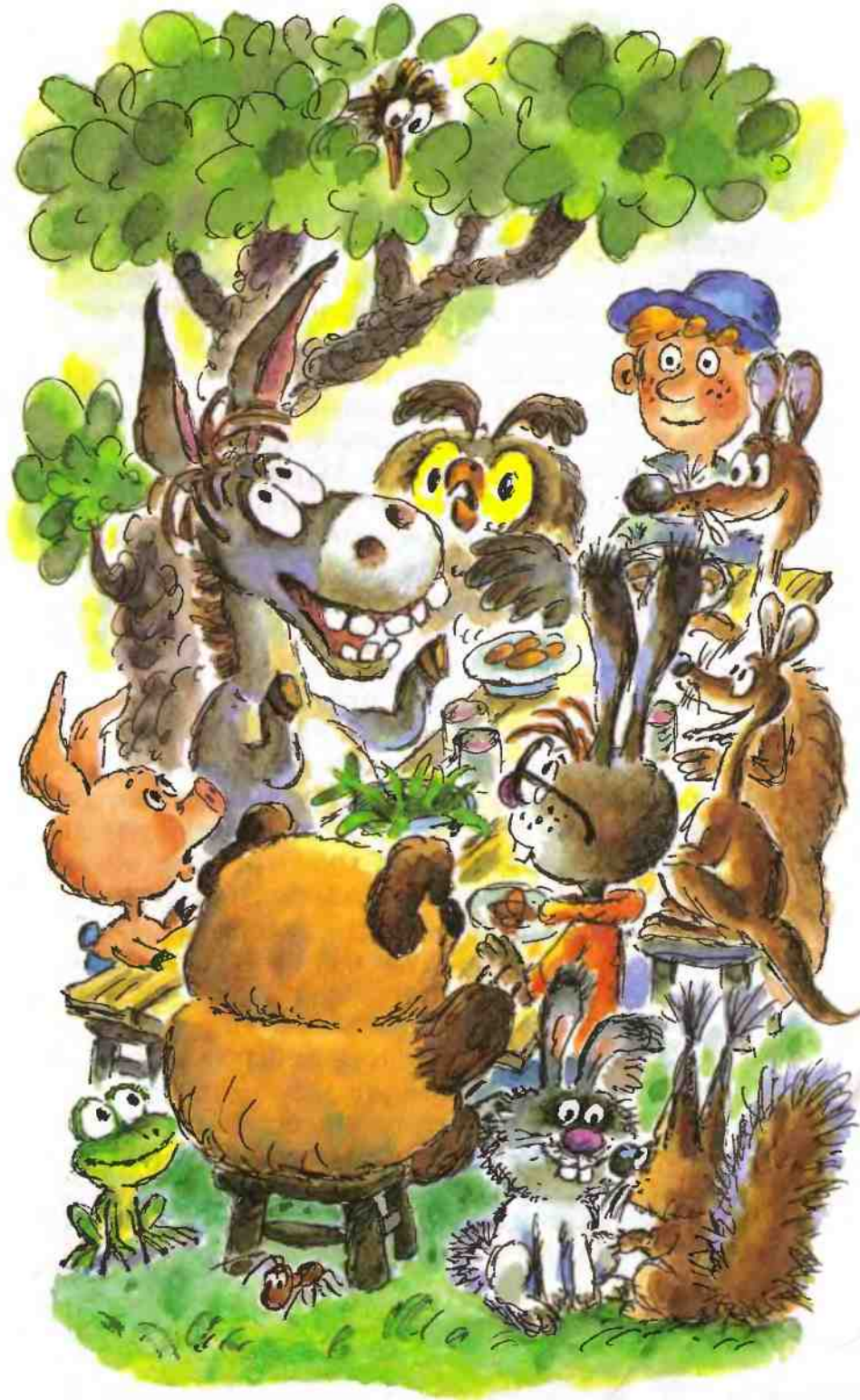
Сова ласково ответила ему: «Привет, малыш!» — и продолжала рассказывать Кристоферу Робину о несчастном случае, который чуть не произошёл с одним её другом (о котором Кристофер Робин и не слыхивал), и Кенга сказала Ру:

— Сначала выпей молочко, дорогой, а потом говори.

И понятно, Крошка Ру, который как раз пил молоко, попытался сказать, что он может делать и то и другое одновременно... так что его пришлось похлопать по спинке, а потом довольно долго просушивать.

Когда Все-Все-Все славно угостились (и почти закончили), Кристофер Робин постучал ложкой по столу; разговоры сразу прекратились и все затихли, за исключением Крошки Ру, который только что справился с приступом икоты и теперь старался сделать вид, что это совсем не он, а кто-то из Родственников и Знакомых Кролика.

— Этот Пиргорой, — сказал Кристофер Робин, — Пиргорой в честь того, кто что-то сделал, и мы все знаем, кто этот Кто-то, и это — его Пиргорой,

в честь того, что он сделал, и у меня есть для него подарок — вот он.

Тут он пошарил вокруг и шёпотом спросил:

— Где же он?

А пока он осматривался в поисках, Иа-Иа внушительно прокашлялся и заговорил.

— Друзья, — начал он, — друзья мои... включая прочих! Для меня большая радость — во всяком случае, до настоящей минуты было большой радостью — видеть вас на моём Пиргорое. То, что я совершил, — просто пустяк. Каждый из вас — конечно, за исключением Кролика, Совы и Кенги — на моём месте сделал бы то же самое. Ах, да и кроме Пуха. К Пятачку и Крошке Ру мои замечания, естественно, не относятся — оба они слишком малы. Словом, любой из присутствующих мог бы так поступить. Чисто случайно героем оказался я. Думаю, нет нужды упоминать о том, что я поступил так не ради того, что Кристофер Робин сейчас ищет...

Тут Иа-Иа поднёс ко рту переднюю ногу и страшным шёпотом произнёс:

— Посмотри под столом! — и продолжал: — Нет. Я совершил то, что совершил, исключительно из чувства долга, то есть поступил так, как обязан, мне кажется, поступать любой из нас, без всяких исключений, — делать всё, что в наших силах, чтобы помочь... И мне кажется, что все мы...

— И-ик! — громко, хотя и нечаянно, сказал Крошка Ру.

— Дорогой мой! — укоризненно сказала Кенга.

— Разве это я? — с искренним удивлением спросил Ру.

— О чём это Иа говорит? — шепнул Пятачок Пуху.

— Я не знаю, — ответил Пух не очень весело.

— Я думал, это твой Пиргорой.

— И я так сначала думал. Но теперь я уж перестал.

— Пусть бы лучше праздник был в твою честь, — сказал Пятачок.

— И я не против, — сказал Пух.

— И-ик! — снова сказал Крошка Ру.

— И — МНЕ — КАЖЕТСЯ, — произнёс Иа-Иа громко и строго, — мне кажется, как я говорил, пока мне не помешали разные бессмысленные звуки, мне кажется, что...

— Вот они! Нашёл! — радостно крикнул Кристофер Робин. — Передайте, пожалуйста, Винни-Пуху. Это для Пуха.

— Для Пуха? — сказал Иа-Иа.

— Конечно. Для самого лучшего медвежонка на свете!

— Я должен был это предвидеть, — сказал Иа-Иа. — Что ж, жаловаться не приходится. У меня есть друзья. Кто-то заговорил со мной не далее, как вчера. А на прошлой неделе — или это было на позапрошлой? — Кролик сбил меня с ног и почти извинился. Общество, общество. Постоянно что-то происходит.

Но никто его не слушал. Все столпились вокруг Винни-Пука, крича наперебой: «Разворачивай, Пух!», «Открывай скорей!», «А я знаю, что там есть!», «Ничего ты не знаешь!» — и делая другие полезные замечания.

И, наконец, Пух развернул Подарок — а он был большой и тщательно упакованный — и хотя Пух очень спешил, он всё-таки не разрезал, а развязал ленточку — ведь она всегда может вдруг понадобиться. И тут Все-Все-Все так и ахнули. А сам Пух чуть не упал — так он обрадовался.

Потому что это оказалась красивая, большая Специальная Коробка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные «В» — в честь Винни-Пука, и карандаши, помеченные «НВ» —

в честь Неустрашимого Винни, и ещё карандаши, помеченные «ВВ» — в честь... в честь Выручательно-го Винни, потому что ведь это он выручил Пятачка; и ещё там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает всё, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зелёные, и Красно-Синие, совсем как у взрослых.

И всё это было для Пуха!

— Ох,— сказал Пух.

— Ой, Пух! — сказали Все-Все-Все, за исключением Иа-Иа.

— Спасибо! — еле-еле выговорил Пух.

А Иа-Иа бормотал себе под нос:

— Подумаешь, карандаши или как их там...

Писалки! Большое дело! Кому они нужны! Чепуха!

Потом, когда все уже сказали Кристоферу Робину «До свиданья» и «Спасибо», Пух и Пятачок вдвоём возвращались домой. Вечер был совсем золотой, и друзья долго молчали.

— Пух! Когда ты просыпаешься утром,— сказал, наконец, Пятачок,— что ты говоришь сам себе первым делом?

— Что у нас на завтрак? — сказал Пух.— А ты, Пятачок, что говоришь?

— Я говорю: «Интересно, что сегодня случится интересное?» — сказал Пятачок.

Пух задумчиво кивнул.

— Это то же самое,— сказал он.

— *И что же случилось? — спросил Кристофер Робин.*

— *Когда?*

— *Завтра утром.*

— *Я не знаю,— сказал Папа.*

— *А ты можешь подумать и когда-нибудь потом рассказать нам с Пухом?*

— Если вам очень-очень захочется.

— Пуху очень-очень хочется,— сказал Кристофер Робин.

Он глубоко вздохнул, подхватил своего медвежонка за ногу и направился к двери, волоча Винни-Пуха за собой.

На пороге он обернулся и сказал:

— Придёшь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно,— сказал Папа.

— А Пухова коробка с карандашами была лучше моей?

— Один к одному,— ответил Папа.

Мальчик кивнул и вышел... и почти сразу же Папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лестнице: бум-бум-бум.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Глава первая</i> , в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчёлами	7
<i>Глава вторая</i> , в которой Винни-Пух пошёл в гости, а попал в Безвыходное Положение	20
<i>Глава третья</i> , в которой Пух и Пятачок отправились на охоту и чуть-чуть не поймали Буку	30
<i>Глава четвёртая</i> , в которой Иа-Иа теряет хвост, а Пух находит	37
<i>Глава пятая</i> , в которой Пятачок встречает Слонопотама	45
<i>Глава шестая</i> , в которой у Иа-Иа был день рождения, а Пятачок едва не улетел на Луну	58
<i>Глава седьмая</i> , в которой Кенга и Крошка Ру появляются в Лесу, а Пятачок принимает ванну	73
<i>Глава восьмая</i> , в которой Кристофер Робин организует «испедицию» к Северному Полюсу	88
<i>Глава девятая</i> , в которой Пятачок совершенно окружён водой	103
<i>Глава десятая</i> , в которой Кристофер Робин устраивает торжественный Пиргорой и мы говорим Всем-Всем-Всем До Свиданья	114

РИСОВАЛ Э. НАЗАРОВ